

Максуд Ибрагимбеков

Пусть он останется с нами

По-моему, это очень хорошо, когда у человека отец — начальник милиции. И не какого-нибудь районного отделения, а всей городской милиции. И если он еще при этом хороший человек. Как, например, мой папа. У него, конечно, тоже есть недостатки. Моя бабушка говорит, что без недостатков людей не бывает, но я думаю, что у папы недостатки только мелкие, и всего их два: один — это то, что дома он бывает очень мало, всего несколько часов в сутки, часто я засыпаю вечером, его не дождавшись, а второй — я думаю, что второй даже хуже недостаток, чем первый, — это то, что дома он все время молчит, иногда погладит мне голову или спросит, как дела в школе, ну и с бабушкой двумя-тремя словами перекинется, и замолчит на весь вечер, собственно говоря, уже и от вечера-то ничего не остается, до полуночи всего полтора-два часа. Даже за едой молчит. Я-то понимаю, что ему со мной не о чем разговаривать — у него свои интересы, у меня свои, это понятно, но все равно почему-то бывает ужасно обидно, когда он сидит так и молчит, и видно по всему его виду, что он своими мыслями где-то далеко от нас и, возможно, в этот момент даже не видит нас с бабушкой.

Но если не обращать внимания на эти мелкие недостатки, то мой папа, конечно, самый лучший отец из всех мне знакомых. Вот, например, отец Димки Расулова лупит Димку ремнем по любому поводу, без всяких лишних слов. Я у них был один раз при этом. Димкин отец хмуро со мной поздоровался и сразу же у Димки спросил табель. А у Димки в таблице за эту неделю две двойки стояли: по истории и литературе. Димка в портфеле очень долго рылся, он весь вспотел, и у него руки дрожали. Я потом сообразил, что Димка из школы и меня нарочно домой привел, надеялся, что отец его при посторонних не тронет. Но отец его на меня никакого внимания не обратил. А это, честно говоря, мне очень неприятно, когда на меня не обращают внимания.

Но дальше все пошло еще хуже. Димкин отец посмотрел табель, помолчал минуту, а потом сказал, я только в театре или в кино и слышал, чтобы люди таким голосом разговаривали, тихим и торжественным, или еще на похоронах:

— Подлец ты, Дима, подлец, — и вид у него был очень в это время важный.

А потом он показал Димке глазами на что-то и вздохнул. Я даже сперва не понял, на что это он показал, но Димка понял сразу и пошел, снял со стены в передней широкий, тяжелый ремень. Димка шел с ремнем к отцу, который продолжал неподвижно сидеть в кресле, и прямо повизгивал от страха, но почему-то шел. Отец взял из рук Димкин ремень и раздвинул колени, Димка опустился на четвереньки и засунул голову между колен, а отец начал его лупить ремнем. А Димка при каждом ударе подвывал тонким голосом.

Удивительно все это было и странно, потому что было видно, что Димкин отец ни капельки не сердится, а наоборот: ему все это противно и грустно.

Я потом у Димки спросил, почему это он сам пошел за ремнем, сам голову засунул между колен, как будто так все и полагается. Димка сказал, что так лучше, раньше он пробовал убегать, а один раз даже укусил отца, но ничего хорошего из этого не получилось, отец его так отлупцевал, что он три дня в школу не ходил из-за полос на лице и руках. А так, говорит, больно, конечно, но в общем терпимо.

Я у Димки еще спросил, любит ли он своего отца, а Димка удивился и сказал, что любит, родной ведь отец, и было видно, что он удивился, что я такие вопросы задаю, а может быть, даже слегка обиделся.

А я почему-то возненавидел Димкиного отца на всю жизнь, знал бы, что он такой, ни за что не пошел бы из-за него драться. Я, правда, подрался по Димкиной просьбе, но драка была все-таки из-за Димкиного отца. Сейчас бы я ни за что из-за него не стал бы драться. А тогда подрался, хоть очень этого не люблю.

Димка пришел ко мне с кошелкой в руках — его часто в магазин посылают, а иногда и на рынок — и говорит мне, что он окончательно решил подраться с Вовкой Евтушенко, вот прямо сию минуту желает подраться, и попросил, чтобы я на всякий случай пошел с ним, вдруг кто-нибудь из Вовкиных друзей нападет тоже, ну а с двумя Димке, известное дело, не справиться.

Я в это время клеил змея, и мне, честно говоря, никуда идти не хотелось, и поэтому спросил у Димки, нельзя ли отложить драку часа на два-три. Я ему сказал, что если я сейчас уйду, то клей засохнет и его придется выбросить, а моя бабушка не очень любит, когда я за один день два раза ее прошу сварить крахмал. Димка разобиделся на меня страшно. Сказал, что у него такое настроение, что он должен подраться именно сейчас, а не через два-три часа, а если я, его самый близкий друг, на которого он в этом трудном деле рассчитывал, не хочу ему помочь, то он обойдется как-нибудь без меня. Он мне сказал: «До свидания». Вид у него в это время был очень гордый.

Я оставил все на столе и попросил бабушку, чтобы она ничего не убирала, сказал, что приду через час, и пошел с Димкой, который сразу очень обрадовался и стал мне рассказывать подробный план драки. А мне уже было интересно посмотреть, как Димка будет драться с Вовкой, я давно не видел, чтобы Димка с кем-нибудь дрался, он в основном всегда отделяется жуткими угрозами. И вдруг нате вам — решил с Вовкой подраться, который в нашем классе считается одним из первых силачей! Я, по правде, от Димки такой прыти и не ожидал, хотя, по справедливости, Димке с Вовкой надо было уже давно подраться. И все из-за Димкиного отца, который работал начальником метеостанции нашего города. Эта метеостанция предсказывает погоду. Димка меня водил туда однажды — там всякие приборы установлены. Димка знает, как они все называются: всякие барометры, флюгера и дождемеры, а Димкин отец там самый главный и раз в месяц выступает по радио и телевидению и печатает в нашей городской газете заметки, где рассказывает, какая погода в этот месяц будет в нашем городе и его окрестностях, довольно точно предсказывает.

А у нас в классе Димкиного отца сразу же прозвали «То Дождь, То Снег». Конечно, дурацкое прозвище, но всем почему-то понравилось, и Димкиного отца все так только и называли. Особенно это прозвище Евтушенко понравилось, каждый день он какую-нибудь новую

шутку придумывает; приходит с утра, дождется, когда весь класс соберется, а потом говорит что-нибудь вроде того что: «А вчера по радио опять «То Дождь, То Снег» выступал, обещал в воскресенье во второй половине дня сухой лед и пломбир с клубничным вареньем», — и противно ржет при этом. И самое удивительное, что все в классе каждый раз прямо умирают от смеха, и я никак не могу удержаться от смеха, хоть и понимаю, что Вовка ужасно тупой и ничего остроумного придумать не может. А Димке больше всего, по моему, обидно, что и Лена смеется. Как только Вовка выдаст очередную шутку насчет Димкиного отца, она прямо заливается. Все уже отсмеются давно, уже географичка пришла, у нас в понедельник первый урок географии, а она опять вдруг начинает смеяться, а за нею весь класс, потому что никакой возможности удержаться нет, когда смеется Ленка, до того у нее смех веселый. Даже наша географичка со своим строгим характером на Ленку толком рассердиться не может, замечание ей делает, но без настоящей строгости в голосе. А Димке это особенно обидно, что Ленка смеется, я-то его хорошо знаю.

Понятно, что Димке очень обидно. Я как-то в раздевалке перед физкультурой сказал ребятам, что нехорошо это, и все согласились, что действительно нехорошо. Все, кроме Вовки. Он сказал, что, кого как захочет, так и будет называть. И морда у него в это время была очень наглая, как раз такая, по которой хочется изо всех сил стукнуть. Я совсем было собрался, но потом вспомнил, что отец-то это не мой, а Димкин, а он сам весь разговор слышал, но промолчал.

И вообще я драться не люблю. У нас в классе почти все между собой передрались, хоть по одному разу, но передрались. Кроме меня, ко мне никогда никто не лезет. Как-то так получилось, что из нашего класса давно никто ко мне не лезет, знают, что я драться не люблю.

А с Димкой я пошел на драку. Какой бы я ему был тогда близкий друг, почти единственный, если бы в трудный момент отказался его поддержать? Когда мы подошли к школе, Димка мне весь свой план рассказал. Оказывается, он сказал Вовке, что придет со мной, но я думаю, что Вовка догадался, что Димка придет со мной, потому что все знают, что, кроме меня, Димке и позвать некого. Вовка на это сказал, что он тоже придет не один.

Мы вошли во двор школы и сразу их увидели — Вовка и его дружок, мне совершенно незнакомый, стоят и смотрят, как восьмиклассники играют в волейбол. Вовка усмехнулся, когда нас увидел, и что-то шепнул тому. Они пошли за здание школы, мы тоже — с противоположной стороны. Там есть такое место между зданием и забором, куда не выходит ни одно окно, — все там обычно и дерутся. Димка мне по дороге все шептал, что в драке самое главное — неожиданность и надо, чтобы первыми начали мы, сказал, что, как только мы к ним подойдем, надо без всяких разговоров начать драться, он на себя Вовку возьмет, а я другого.

А мне совсем не хотелось драться, и внутри живота стало холодно-прехолодно. Когда самых лучших учеников четвертого и пятого классов заставили играть на концерте для родительского собрания, тогда у меня в животе точно так же стало холодно, как сейчас. Я даже забыл, когда подошел к роялю, что я должен играть. Хорошо, что директор школы объявил, что я сыграю эту Лешгорна. Сам бы ни за что не вспомнил!

Мы подошли к ним совсем близко, и у меня все сразу прошло в животе, когда я увидел нахальную морду Вовки, я даже пожалел, что буду драться не с ним, а с каким-то незнакомым его приятелем. Я размахнулся и изо всех сил ударил Вовкиного приятеля кулаком по голове, я метил в нос, но попал в лоб, потому что он нагнулся. И тут сразу началась драка.

Этот приятель Вовки дрался не очень хорошо, все пытался обхватить меня, а я не давался, потому что бороться в драке — самое последнее дело. И тут я ужасно удивился, когда на меня напал вдруг и Вовка. Я ни капельки не испугался, но удивился ужасно и стал драться сразу с обоими. Вовка, он конечно, гораздо лучше дерется, чем его друг, я сразу почувствовал во рту соленый привкус и понял, что он мне разбил губу. Но я ему тоже хорошо попал два раза в глаз и приятелю нос разбил. А потом этот его приятель все-таки до меня добрался, обхватил меня за пояс, и мы покатались по асфальту. А Вовка каждый раз, как я оказывался над его дружкой, лупил меня кулаком то по спине, то по голове. Ужасно меня это злило, сил нет как злило, а сделать ничего я не мог, руки у меня были заняты, все же я изловчился и как дал ему ногой по коленке, он сразу согнулся. И в это время я увидел наконец Димку. Он стоял у забора, размахивал кошелкой над головой и кричал изо всех сил, как на футболе: «Давай! Еще дай ему, гаду! Молодец!» А потом отбежал в сторону и крикнул Вовке: «Получил за Дождь и Снег? Если мало, еще прибавим!»

Вовка поскакал за ним на одной ноге, но потом остановился и опять за колено схватился, видно, я его здорово зацепил, а потом еще раз мне по голове дал, но уже не очень больно, видно, чувствовал, что драка уже кончается. Это всегда наступает момент, когда все чувствуют, что драка кончилась. А почему этот момент наступает — непонятно. И в этот самый момент прибежала Ленка, как она здесь оказалась, до сих пор понять не могу, обычно девчонки сюда никогда не приходят. Могла бы ведь прибежать минутой позже, тогда бы уже все было в порядке, а она прибежала как раз тогда, когда еще мы, я с Вовкиным приятелем, валялись на асфальте, а Вовка меня лупил по голове. Ленка сразу этого приятеля схватила за шиворот и стала тянуть от меня, а Вовке сказала, что он только и может, что вдвоем нападать на одного.

У Вовки и так было плохое настроение, а тут он совсем расстроился, сказал, что ни на кого не нападал и нападать не собирается, но бить себя никому не позволит, и посоветовал Ленке, не разобравшись, в чем дело, зря человека не оскорблять.

Ленка на него очень презрительно молча посмотрела, и Вовка, по всему было видно, расстроился вконец, даже мне его стало жалко, и я, когда мы от них отошли, сказал Ленке, что на Вовку и его приятеля первыми напали мы — я и Димка.

Лена с Димкой почистили мне куртку, и Димка при этом все рассказывал, какой я молодец и как им двоим сразу крепко задал. Димка сказал, что он на секунду опоздал начать драться из-за своей кошелки с картошкой и фруктами, искал для нее место, потому что если эту кошелку украдут, то его абсолютно точно сживут дома со свету. По словам Димки, к тому времени, когда он пристроил кошелку, я так здорово надавал Вовке и его приятелю, что всякое дополнительное вмешательство было излишним и даже для здоровья Вовки и его приятеля опасным.

Димка подробно рассказал Ленке о каждом ударе, которые получили мои враги, и описал, в каком состоянии будет физиономия Вовки к завтрашнему утру — с распухшим носом и по фонарю под каждым глазом. Он говорил без умолку, подробно описывая драку, и хвалил меня, не останавливаясь. И я знал, почему Димка не замолкает: он боялся, что я спрошу, почему он не начал драку одновременно со мной, так, как мы договорились. А я и не собирался об этом спрашивать, особенно при Ленке. И спрашивать не о чем, когда все и так ясно.

Я звонить не стал, открыл дверь своим ключом; мы попытались проскочить в мою комнату незаметно, чтобы бабушка меня не увидела, но ничего не получилось, она нас встретила в передней и сразу же заохала, увидев мою губу, потом побежала на кухню, вынула из холодильника лед и заставила меня приложить его к губе.

Лена рассказала бабушке, что на меня напали незнакомые хулиганы, но я не струсил и очень храбро с ними справился. На Ленку положиться можно, не то что на других девчонок наших, ведь не сказала бабушке, что я с Евтухом подрался. Я забыл ее предупредить, а она сама догадалась, что говорить не стоит.

Бабушка сказала, что если хулиганы уже не боятся нападать на сына самого начальника милиции города, то, значит, на них никакой управы нет, и эти хулиганы распоясались окончательно, и в таком городе вообще уж лучше не жить — надо поскорее собрать вещи и переехать куда-нибудь, где еще существуют законы и порядок, например, в Москву или Ленинград. Бабушка, не переставая ворчать, сварила мне из крахмала свежий клей, и мы втроем склеили очень хороший змей совершенно новой конструкции по чертежу из «Юного техника». Потом мы собрались пойти его запустить, но бабушка сказала, что ни один человек из нашего дома не выйдет не пообедав.

Бабушка позвонила Ленкиной маме и сказала, что Лена останется обедать у нас. Я очень обрадовался, что буду обедать не один, я очень люблю, когда у нас гости. Жалко, что приходят к нам они очень редко, только и бывают у нас соседки — две-три бабушкины приятельницы и мои товарищи. А больше никого и не бывает, не то что раньше.

А Димке бабушка разрешила уйти, потому что Димка показал ей кошелку с картошкой и фруктами и поклялся самыми страшными клятвами, что его и кошелку ждут не дождутся дома. Я после его ухода подумал о том, что Димка, конечно, никогда не скажет своему отцу, что мы сегодня из-за него подрались, да и я бы на его месте ни за что не сказал, но очень интересно: понравилось бы Димкиному отцу это или он, наоборот, рассердился бы? А может быть, Димкин отец, узнав о том, что его сын за него заступился, перестанет его бить из-за табеля и вообще из-за любого пустяка? Кто его знает. А вот что совершенно точно: Вовка с того дня о Димкином отце начисто перестал говорить, хоть тот и продолжал по-прежнему выступать в начале каждого месяца и по радио и по телевидению. И я точно знаю, что перестал он не от страха, побить-то нам его тогда не удалось, драка же окончилась, можно сказать, вничью, и, кроме того, Вовка не трус, его одной дракой не испугаешь. В чем тут дело, я еще толком не разобрался.

А вот моего отца мне ни от кого еще защищать не приходилось. И, честно говоря, никакой надобности в этом никогда не было. Потому что у меня отец не такой, как Димкин, да и не только Димкин, ни у кого из ребят в нашем классе, а может быть, и во всей нашей школе,

нет такого отца, как мой папа. Я даже думаю, что многие из наших ребят хотели бы быть на него похожими. Я бы, например, очень хотел, когда вырасту, быть на него похожим. Когда мы с папой приезжаем на пляж, правда, это очень редко бывает — за лето всего три или четыре раза, — то все ребята, знакомые мои, обязательно оборачиваются ему вслед. И не только ребята. И это понятно. Он очень стройный и высокий — у него рост один метр восемьдесят восемь сантиметров, это написано в его военном билете, я сам видел, а это значит, что у папы в ботинках рост самое меньшее метр девяносто, это ведь каждому ясно, что для военного билета человеку рост измеряют не то что без ботинок, у них вон какая толстенная подошва, а даже без тапочек, только босиком.

А когда папа раздевается, он сразу становится похож на штангиста, такие у него мускулы под кожей везде перекачиваются, когда он сгибает в локте руку, просто так сгибает, не специально, не напрягаясь, а просто так, случайно, у него собирается под тонкой кожей очень крепкий круглый ком. И может быть, у него не такие большие мускулы, как у тех самых знаменитых штангистов, которых показывают по телевизору, но зато у папы при широких плечах нормальная, даже тонкая талия, а почти все штангисты, несмотря на их мускулы и силу, пузатые, и на живот у них свисают жирные груди. Скорее все-таки папа похож на гимнаста, только очень сильного, папа и на самом деле очень сильный, только никогда этим не хвастает.

Помню, как однажды привезли к нам домой сейф. Мы с бабушкой ужасно удивились: ни с того ни с сего вдруг привезли сейф. Двое грузчиков с трудом спустили его с грузовика, потом с шумом и криком втащили его по трем ступеням на крыльцо, здесь отдышались и только потом внесли этот сейф в переднюю. Здесь они его и оставили, потому что никаких других указаний не получали, а бабушка, как выяснилось, представления не имеет, в каком месте квартиры должен стоять сейф. Папа, как приехал с работы, сразу спросил, почему это грузчики, вместо того чтобы поднять этот сейф на второй этаж, в его кабинет, оставили его посреди передней? Бабушка сразу же разобиделась, на папу она очень легко обижается, и сказала, что у нее в прежней квартире при жизни ее покойного мужа, это значит моего деда, всю жизнь была самая лучшая мебель из карельской березы и даже стояла физгармония, но сейфа не было, а если говорить совсем откровенно, то она до этого дня никогда в жизни и не слышала, что в квартире может стоять сейф, а уж где он должен стоять, она и подавно не знает, а на старости лет и узнать это никакого желания не испытывает.

В конце бабушка сказала, а самое главное бабушка всегда говорит в конце, что эти грузчики оставили свой адрес и телефон на тот случай, если понадобятся еще когда-нибудь, и что к ним можно завтра с утра позвонить и сказать, чтобы они пришли и подняли бы этот сейф на второй этаж.

Папа слушал бабушку молча. Посторонний человек подумал бы, что папа ее внимательно слушает, но я-то знал, что это не так, что он почти ничего из того, что она говорит, и не слышит, думает о чем-то в это время своем. Вот только о чем?

Он дослушал бабушку до конца и ничего ей не сказал, хотя по всему было видно, что бабушка ждет, что он ей скажет. Только кивнул. А когда бабушка пошла на кухню накрывать на стол, папа скинул китель, подошел к сейфу и, обхватив руками, поднял его к себе на грудь. Он ни разу не остановился — ни на лестнице, ни в коридоре второго этажа, — пронес

этот железный шкаф в свой кабинет и сразу поставил его на то место, на котором он и остался стоять до сегодняшнего дня.

В сейфе этом сейчас лежат какие-то письма и фотографии, пистолет, не тот, который папа носит в кобуре на боку, под мышкой, а другой, тоже ТТ, но другой, и еще какие-то документы. Но когда я узнал, что вторые ключи от сейфа папа отдал на хранение бабушке, — в их секретности засомневался. Впрочем, может быть, папа думает, что нашей бабушке можно доверить все?

Не знаю, я никогда не знаю, что он думает, пока он сам не скажет. Деньги в сейф отец не кладет, они лежат у него в среднем ящике письменного стола, и бабушка почти каждый день берет оттуда на расходы. Этот ящик не запирается, так же как и все остальные ящики и дверцы столов, шифоньеров, комода и шкафов. Бабушка не любит возиться с ключами. Я до сих пор удивляюсь, как это она держит запертым сейф. Наверное, боится, что я доберусь до пистолета!

Военный билет отца тоже лежит в этом сейфе. Его я успел прочитать внимательно, все страницы, до того, как заперли сейф. По правде говоря, я ничего нового и не узнал об отце, я и без этого билета знал, что папе сорок один год, что он полковник, награжден двумя орденами и золотыми часами за храбрость и отвагу.

Но читать обо всем этом было все равно очень приятно и интересно.

Все-таки удачно получилось, что у меня такой папа. Ведь могло бы оказаться, что у меня был бы другой отец, от человека ведь это совсем не зависит, какой у него может оказаться папа, тут выбирать не приходится. Жалко вот только, дома он редко бывает. Разве плохо было бы, если бы он каждый день с нами обедал? Вот и у Ленки, и у Димки, да почти у всех наших ребят за стол садятся все вместе, а у нас почти никогда так не получается... Вот сейчас, например, бабушка накрывает на стол — на четыре человека накрывает, но она ведь почти точно знает, что папа не придет. Я у нее один раз спросил, почему она так делает, ей что, не лень каждый раз на стол зря ставить лишнюю тарелку и прибор? А бабушка мне на это сказала, что в приличных домах стол обязательно накрывается на всех, кроме тех случаев, когда кто-нибудь в отъезде или специально предупредил, что к обеду не придет.

Она вообще любит рассказывать про то время, когда был жив дедушка. Она очень интересно рассказывает, но, я думаю, посторонним людям не очень интересно слушать про чужого дедушку, поэтому я включил телевизор, и мы с Ленкой стали смотреть, пока она не кончила накрывать.

Мы еще сидели у телевизора, когда вдруг пришел папа. Невероятное везение началось! И Ленка у нас обедать будет, и папа пришел! Я уже заметил: часто, когда с утра человеку не везет, потом к вечеру вдруг начинает везти, как сегодня, например. Он поздоровался с нами и пошел наверх переодеваться.

Мне сразу же, как только он пришел, смотреть телевизор стало неинтересно. Мы с Ленкой пошли вымыли руки и сели за стол, и папа в это время спустился. Он уже успел умыться и переодеться, он все очень быстро делает. Ему и штатское очень идет, хотя почему-то все время кажется, что это не штатский костюм, а все равно военная форма.

Бабушка пожелала нам доброго аппетита, и ми начали обедать. Папа за обедом почти с нами не разговаривал, а мне ужасно хотелось, чтобы он с нами поговорил, я стал думать, что бы у него спросить, чтобы он стал разговаривать, но ничего придумать не мог. Так молча и обедали, даже мы с Ленкой перестали разговаривать. И вдруг папа сам заговорил, причем на очень интересную тему.

— Вы в цирк любите ходить? — спросил папа у Ленки.

Ей ужасно, по-моему, понравилось, что он с ней на «вы» разговаривает, у нее сразу даже мочки ушей покраснели от удовольствия.

— Иногда посещаю, — сказала Ленка, потом еще немного подумала и добавила: — Очень люблю.

— Очень хорошо, — сказал папа. — Сегодня в газете было объявление, что приехала большая труппа с новой программой — в воскресенье премьера. Я вас обоих приглашаю. Вам родители разрешат пойти в воскресенье в цирк на дневное представление?

— Ой, конечно! — сказала Ленка. — Мне родители все разрешают.

— Неужели все? — удивился папа.

— Все, — сказала Ленка. — Что я у них попрошу, то они и разрешают.

Ленка стала перечислять, что они ей разрешают, но я уже видел, что папа не слушает ее, а опять о чем-то думает.

И я стал думать, пойдет папа с нами в цирк или нет. Все-таки, наверное, пойдет, ведь он ясно сказал, что приглашает нас, а кто же приглашает людей в цирк, а сам не идет?

Я на всякий случай хотел у него спросить, пойдет ли он с нами или нет, но он в это время встал, поблагодарил бабушку за обед и пошел вверх. Даже чай пить не стал. Бабушка сказала ему вслед «на здоровье», но совсем не таким голосом, как говорит это мне, — вежливо сказала, но сухо.

Я пошел Ленку провожать, и мы по дороге говорили, что было бы очень неплохо, если бы эти два дня пролетели бы побыстрее, а еще лучше, чтобы их вообще бы не было и воскресенье наступило бы сразу. Я еще в это время думал, пойдет ли с нами папа в цирк или нет, но Ленке об этом не сказал.

Ленка вспомнила, что она не поблагодарила папу за приглашение и это с ее стороны очень некрасиво, хотя, сказала Ленка, подумав, это можно сделать и в цирке. Она думала, что папа обязательно пойдет с нами в цирк!

— Тебе мой папа нравится? — спросил я у Ленки.

— Твой папа?

А у нас все в классе знают, что когда Ленка переспрашивает, то или не хочет, или не знает, что ответить.

— Твой папа, — сказала Ленка, — нравится мне, конечно.

Но я почувствовал, что она хитрит и что-то не хочет говорить.

— А что тебе в нем не нравится? — спросил я.

— Все нравится, — сказала Ленка. — Вот честное, честное слово, все нравится. Он только суровый очень какой-то. При нем даже разговаривать не хочется.

Это ей разговаривать не хочется, сама тараторила при нем как сорока, а теперь говорит, что разговаривать не хочется.

— Твой папа как приходит, — сказала Ленка, — мне почему-то начинает казаться, что я виновата в чем-то: или уроков не сделала, или он откуда-то узнал, что мы вчера вместо биологии пошли в кино.

— И с чего это тебе так кажется? — я даже удивился, никогда заранее нельзя догадаться, что Ленка скажет.

— Вот кажется, — упрямо сказала Ленка. — И с тобой он как-то странно разговаривает. То молчит все время, а как заговорит, то довольно-таки странно. Прямо как со взрослым. Вот мой папа совсем со мной не так разговаривает.

— А как это твой папа с тобой разговаривает? — спросил я.

— Мой папа разговаривает со мной совсем по-другому, — мечтательным голосом сказала Ленка. Я уже знал, что она сейчас начнет придумывать. — Во-первых, мой папа ужасно радуется, когда меня видит, он ни разу еще на работу не ушел, со мной не попрощавшись, обязательно приходит, поднимает меня на руки и целует. Я с каждым днем становлюсь тяжелее, но он все равно каждый день поднимает меня и целует, даже если я получаю двойку. Во-вторых, он почти каждый день звонит с работы и со мной разговаривает, особенно когда знает, что я дома одна, и все спрашивает, как я себя чувствую. В-третьих, он больше всего в жизни любит со мной гулять по городу...

Ленка еще долго перечисляла: «в-четвертых», «в-пятых», «в-шестых»... Она может без конца говорить, если ее не остановить. А яшел рядом и думал, что, конечно, она многое придумывает, но, кажется, в основном говорит правду. А это, наверное, очень приятно, что твой отец к тебе так относится.

Я вспомнил, что отец ни разу еще меня не поднимал на руки и не целовал, хотя ему это было бы совсем нетрудно, ведь он намного здоровее Ленкиного отца. Раз в пятнадцать здоровее, если не больше, и гулять со мной просто так по городу еще ни разу не ходил, даже когда в магазин надо пойти купить для меня что-нибудь — со мной идет бабушка. Правда, папа всегда в таких случаях предлагает бабушке машину, и мы едем в магазины в машине, но все равно было бы гораздо приятнее, если бы он сам пошел со мной.

Я уже обратил внимание, что у нас в классе со всеми ребятами в магазин ходят в основном их отцы, а с девочками матери... И когда он встречается меня, то совсем не радуется, как Ленкин отец. Может быть, и радуется, но по нему никогда этого не заметишь. Иногда кажется, что смотрит он на тебя, а на самом деле и не видит, или видит, но невнимательно. Вот сегодня, например, он же не увидел, что у меня губа разбита, бабушка сразу заметила, а он нет. Другое дело, что я сам очень доволен, что он этого не заметил, но он же не обратил внимания, что у меня губа разбита. Почему-то мне ужасно обидно стало от этих мыслей. Я сразу стал себя успокаивать разными другими мыслями — специально стал думать, чтобы

обида прошла, — что это понятно, что Ленкин отец к ней так относится, ведь Ленка девчонка, а девчонки все любят, когда к ним ласково относятся, а я же не девчонка и вообще очень здоровый, может быть, самый здоровый у нас в классе, хотя в нашем классе почти половина ребят старше меня на несколько месяцев, а кое-кто так и на год. Только Вовка такой же здоровый, как я, но точно это никому не известно, кто из нас здоровее. Немного легче стало после того, как я так подумал, но все равно почему-то было очень обидно.

— Все равно мой папа очень хороший, — сказал я Ленке. — Ты его редко видишь и поэтому хорошо не знаешь его. Он очень хороший, просто к нему надо привыкнуть.

— А я и не говорила, что он плохой, — сказала Ленка и даже плечами пожала. — Никогда я тебе не говорила, что он плохой. Он очень интересный и похож на одного актера из «Мертвого сезона». Сейчас я вспомню, как его зовут.

Мы оба стали вспоминать, как зовут того актера, но так и не вспомнили. На «Мертвый сезон» мы с Ленкой ходили вместе, билеты в кассе нам продали сразу, а внутрь контролер ни за что нас впускать не хотел, говорит, детям до шестнадцати лет вход и так запрещен, а тут еще вечерний сеанс, ничего, говорит, сделать для вас не могу. Это шестичасовой сеанс-то вечерний! Курам на смех! У Ленки даже губы надулись, и было видно, что еще минута — и она заплачет. Честно говоря, и мне было ужасно обидно, но плакать из-за кино я не стал бы, я вообще очень редко плачу, забыл даже, когда в последний раз и плакал.

Мы уже совсем было собрались уйти, но в это время я увидел у кассы дядю Толю. Он тоже нас увидел и сразу же пошел к нам навстречу, хоть был не один, а с женой. Дядя Толя — папин шофер, он не простой шофер, а сержант сверхсрочной службы. Вообще у папы два шофера, они работают в две смены, по очереди, один раз днем, один раз ночью.

Когда дядя Толя узнал, что нас с Ленкой не пускают внутрь, он сказал, что это, конечно, правильно, потому что на афише так и написано: "Детям до шестнадцати лет просмотр запрещен", но раз нам продали билеты, то в виде исключения должны пропустить! Не надо было продавать билеты, тогда бы и расстройств никакого не было, дети бы сразу поняли, что не положено, и ушли бы, а так получается очень нехорошо — у людей на руках билеты, они уже приготовились фильм смотреть, а их не пускают. Контролер все это выслушал, и по его виду было заметно, что он с дядей Толей соглашается, но потом все равно сказал, что пропустить не может, потому что из-за этого у него могут быть неприятности. Тогда дядя Толя прошел внутрь, а свою жену оставил с нами, сказал, что сейчас же вернется. Он вернулся с каким-то мужчиной, потом оказалось, что это директор кинотеатра, и тот сказал, чтобы нас в виде исключения пропустили.

Дядя Толя повел нас с Ленкой в буфет и угостил мороженым, и на концерте мы рядом с ним сидели, вот только когда вошли в зал, то сели в разных рядах, потому что места на билетах были пронумерованы.

Они и Ленке очень понравились — дядя Толя и его жена. Она сказала, что сразу видно, что этот дядя Толя ко мне очень хорошо относится, и со стороны такое впечатление, что он мне какой-то очень близкий человек, вроде родного дяди.

Мы дошли до Ленкиного дома, но так и не вспомнили, как зовут этого актера из "Мертвого сезона". Ленка сказала, что она спросит дома, ее папа помнит фамилии всех актеров и точно знает, где кто снимался.

Она стала уговаривать меня, чтобы я зашел к ним и заодно узнал бы, на кого это похож мой отец, но я отказался и пошел к себе. Я шел и думал над нашим разговором, и чувствовал, что Ленка права, хотя с нею и не согласился. И до чего она хитрющая — всего-то моего папу видела раза четыре или пять, а сразу почувствовала, какой у него характер по отношению ко мне! Хорошо, что это Ленка догадалась, а не кто-нибудь другой, Вовка, например, — потом ведь житья не будет от него, такой он ехидный. Сразу что-нибудь придумает!

В воскресенье Ленка к нам пришла в десять часов. Представление в двенадцать начиналось, но она пришла к десяти, даже не позвонила, как всегда, заранее, что придет, а взяла и пришла. Ужасно нарядная, в белом платье и с бантом. Говорит, что ее мама устроила генеральную уборку в квартире и ей посоветовала пойти к нам.

Мы с Ленкой стали поджидать папу, он с утра уехал на работу. Для папы никакой разницы нет: воскресенье это или какой-нибудь другой день, он на работу каждый день ходит, и хорошо, если бы только днем!

Очень медленно время идет, когда ожидаешь что-нибудь приятное! Я предложил Ленке пойти в сад змея запустить или в волейбол сыграть — только для того, чтобы время скоротать. Но Ленка сказала, что ни за что не пойдет, мол, ей совсем не хочется испачкать платье или помять его и появиться в цирке в виде пугала.

Иногда у Ленки появляется удивительно рассудительный тон, совсем как у взрослой, и как у нее это получается, никак не пойму. Ленка стала рассказывать, что, у цирковых касс — она мимо проезжала на трамвае — народу толпится видимо-невидимо, а билетов уже не осталось, все раскуплены. Я спросил, это она тоже из трамвая увидела, что они все раскуплены, и Ленка сказала, что да, из трамвая.

Я понял, что зря спросил и что она может обидеться, и стал рассказывать, какая в цирке будет программа, я в уличной афише все прочитал и сразу запомнил: в первом отделении эквилибристы, акробаты, фокусник Али-Баба и дрессированные собаки, а во втором отделении аттракцион — большая группа дрессированных львов.

Глядя на эту афишу, любой человек сразу ясно понимал, что самое главное в представлении — это львы. А все первое отделение вроде киножурнала перед фильмом: все хоть и смотрят, но только потому, что выхода нет, с удовольствием от него отказались бы, лишь бы фильм поскорее начался, особенно когда заранее известно, что фильм интересный.

Я взял с полки Брема, тот том, в котором все про млекопитающих, нашел страницу, где статья про львов, и прочитал ее Ленке. И про то, что "лев по справедливости называется царем зверей", и про то, что львы охотятся и группами и в одиночку, и еще про многое другое, а папы все не было. Я посмотрел на часы — было уже десять минут двенадцатого. Я знал, что раз папа сказал, что мы пойдем в цирк, то так оно и будет, он никогда зря ничего не обещает, но все равно я начал беспокоиться. В это время зазвонил телефон. Я пошел,

взял трубку, это был отец. Не знаю почему, но я знал, что это отец, в это время к нам мог позвонить кто угодно, но я сразу догадался, что это папа.

— Сейчас приедет дядя Толя, — сказал он, — если захотите, он вас отвезет в цирк.

— А ты разве не пойдешь с нами? — спросил я, хотя мне уже было ясно, что он не пойдет. Настроение у меня испортилось сразу.

— Нет.

— Но ты же обещал, — сказал я ему.

— По-моему, ты ошибаешься, я не обещал пойти с вами. Правда, я хотел, но не получилось.

— Как же, — сказал я, — ты пригласил Ленку и меня в цирк, и мы думали, что и ты пойдешь с нами. — Я говорил и чувствовал, что он меня уже не слушает, ему уже было неинтересно то, что я ему скажу.

— Извини, я занят, — сказал отец. — У меня люди. Значит, дядя Толя сейчас подъедет, — и положил трубку.

А мне и в цирк расхотелось идти. Я бы и не пошел, ни за что бы не пошел, если бы не Ленка. Она-то не при чем. Я поэтому не стал ей показывать, что у меня настроение испортилось, а сказал, что папа с нами не поедет, потому что у него дела, а билеты привезет дядя Толя. Еще я сказал, что, если Ленка захочет, мы поедем в цирк на машине. Ленка сразу и думать забыла о том, что папа с нами собирался пойти в цирк, до того ей понравилось, что он за нами машину послал. Она сказала, что со стороны папы это очень мило, что это очень удобно, когда у человека такой отец, который может присылать за ним машину в цирк.

Только дверца захлопнулась за нами — машина как рванет с места! Нас с Ленкой сразу так и прижало к спинке сиденья. Значит, у дяди Толи хорошее настроение, и он таким способом дает мне это понять. Он ездит очень быстро, по-моему, быстрее всех в городе, но правил никогда не нарушает. Дядя Толя говорит, что папину машину в нашем городе знает каждый автоинспектор и ни один из них никогда ее не остановит.

По словам дяди Толи, страдает из-за этого только он, ему приходится ездить строго по правилам, и поэтому он никакого удовольствия от езды получить не может. Какая же это езда без нарушений правил! А нарушать их тоже не имеет смысла, если знаешь, что никакого в этом риска нет и тебе за это ничего не будет. Но это он, конечно, шутит — дядя Толя водитель первого класса, и, кроме того, он сам автоинспектор, я видел у него удостоверение ГАИ.

— Начальник городской милиции полковник Дагкесаманский велели передать поклон и вот эти билеты, — сказал дядя Толя и протянул мне назад через плечо билеты.

Я сразу увидел, что их три, и у меня настроение сразу улучшилось, не то что стало очень хорошим, но в общем улучшилось. Раз три билета, значит, папа все-таки хотел с нами пойти. Видно, не очень хотел, раз не пошел, но все-таки хотел.

— Ох! — сказала Ленка, она, оказывается, на другое обратила внимание. — Какая прелесть — у нас билеты в директорскую ложу. Никогда я еще не сидела в ней.

— А что мы с третьим билетом будем делать? — спросил я у Ленки. — Ведь обидно, если он пропадет, ты сама говорила, что невозможно достать ни одного билета, а у нас он совершенно зря пропадает.

Она позвонила домой и сказала, что приглашает папу в цирк. Он моментально согласился, видно, он газету читать уже кончил и в это время просто скучал, потому что он даже раздумывать не стал, только спросил, куда ему подъехать. Мы сказали ему, чтобы он вышел к подъезду, а мы за ним подъедем.

И кого мы встретили, как только вошли в фойе?

Все-таки удивительные совпадения бывают в жизни! Город у нас довольно-таки большой, и если собрать вместе всех девчонок и ребят, которые хотят пойти в цирк, то их, наверное, соберется раз в пятьсот, а может быть, даже в шестьсот раз больше, чем мест в нашем цирке. А тут что случилось? Ну, допустим, мы с Ленкой заранее договорились пойти, ну и Димка случайно тоже в этот день пришел, хоть мы с ним не договаривались. Ну а Евтух? Как же так получилось, что и он одновременно с нами пришел в цирк?

Первый, кого мы увидели в фойе, Вовка — стоит в костюме и галстук рядом со своими родителями. Тут и Ленкин отец, и Димкин подошли к ним и стали разговаривать — они все между собой самое меньшее лет шесть знакомы, еще с первого родительского собрания. Мы же все — Ленка, Димка, Вовка и я — с первого класса вместе учимся.

Вовка немного растерялся, когда нас увидел, наверное, вспомнил, что после драки мы еще не помирились, но виду при родителях не подал, что мы в ссоре. Мы для вида поговорили с ним о чем-то, лишь бы поговорить, чтобы не было заметно, что мы в ссоре, а то сразу вопросы пойдут, мирить нас начнут, ничего хуже этого я не знаю! А потом и не заметили, как это произошло, стали взаправду разговаривать, без всякого притворства. Так мы помирились с Вовкой. А родители — они разные новости рассказывали друг другу и беспрерывно удивлялись тому, что как это происходит: все в одном городе живут, все в самом центре, а видятся друг с другом так редко. Хорошо, что хоть благодаря детям случайно в цирке встретились в кои веки, а ведь обычно только и появляется возможность побеседовать на родительских собраниях раз в четверть.

Димкин отец купил четыре эскимо, отдал их Димке и сказал, чтобы он угостил товарищей. Димке это очень понравилось, мороженое он роздал и на отца посмотрел с обожанием, а на нас гордо. Тут прозвенел звонок, и все разошлись, договорившись встретиться в антракте на этом же месте.

Ленке в директорской ложе очень понравилось. Она сказала, что отсюда и весь цирк по-другому выглядит. И арена кажется больше, и весь зал нарядней и красивей. Она села посередине, между мной и своим отцом, и беспрерывно вертелась в разные стороны. А мне в этой ложе не очень понравилось, такое впечатление, что все зрители на трибунах только на тебя и смотрят, мне даже как-то неудобно стало на глазах у всех доедать эскимо, и я выбросил в урну, которая стояла здесь же в углу. Потом, правда, это прошло, но вначале так казалось, и это было неприятно.

А Ленке, по-моему, сидеть в этой ложе очень понравилось еще потому, что здесь она вся на виду и все ее видят. Это у нее характер такой. Очень ей нравится, когда на нее все обращают внимание.

Как только началось первое отделение, я стал мечтать, чтобы оно поскорее закончилось и началось бы второе — со львами. Но потом оказалось, что и в первом есть довольно-таки интересные номера. Особенно мне понравился фокусник. Он просто удивительные фокусы показывал. До этого все очень здорово хлопали — и эквилибристам, и акробатам, и собачкам дрессированным. И этому фокуснику тоже здорово хлопали. Но после того, как он показал свой последний фокус, все не только захлопали, но просто завизжали от восторга.

Этот фокусник поставил посередине арены столик, а на него ящик, чтобы было видно, что этот ящик с полом не соединяется. А потом стал приглашать в этот ящик людей. Сперва одного своего ассистента, потом второго, третьего. И как они все в этом ящике поместились — ума не приложу! Мало этого, он еще и клоуна с собакой туда запихал. Клоун к этому фокуснику никакого отношения и не имел, он стоял у барьера и пытался научить свою собаку ходить по натянутому канату. До этого дрессированные собачки выступали, они все умели ходить по канату, очень легко ходили и во рту еще балансир держали, а эта ни в какую не соглашалась, сколько он ее ни уговаривал. Тогда клоун сам вышел на канат и стал ходить по нему на четвереньках взад и вперед, помахивая хвостом, у него сзади хвост торчал.

Клоун хотел, чтобы собака, глядя на него, тоже научилась ходить по канату. А собака смотрела-смотрела, а потом радостно залаяла, встала на задние лапы, а передними стала ему аплодировать. Мы чуть не поумирали от смеха, особенно Ленка, она еще долго успокоиться не могла, даже в антракте продолжала смеяться, как только вспоминала этого клоуна с его замухрышкой собакой.

Так вот фокусник, после того как запихал в свой ящик трех ассистентов, подошел к клоуну и стал его уговаривать тоже залезть в ящик. А клоуну, по-моему, этот ящик чем-то очень не нравился, наверное, знал, что внутри человека ничего хорошего не ждет. Он прямо заверещал от страха и стал говорить, что будет жаловаться директору цирка на этого фокусника, что никто этому фокуснику не давал права незнакомых между собой людей сажать в один ящик, что он просил у цирка жилплощадь, но не такую, с общими "удобствами", и дальше все в этом же роде.

Фокусник его слушал-слушал, а потом — ррраз! — вдруг схватил его двумя руками за пояс, поднял над головой так, как будто этот клоун не здоровенный мужчина, а какой-то котенок, и положил его в ящик. А собака клоуна сама вслед за хозяином туда прыгнула. Все стали ждать, что дальше будет. А получилось так, как никто и не ожидал. Фокусник подошел к этому ящику и снял с него крышку, а внутри ничего — пусто! Все стали думать, что все дело в стенках ящика, наверное, они какие-нибудь специальные, фокусник как будто догадался, что все так думают, и по очереди снял и сложил на полу все четыре стенки. Остался на арене только стол, и больше ничего. Вот это фокус! Фокуснику очень долго аплодировали, и как раз во время аплодисментов откуда-то сверху, расталкивая зрителей, сбегали к арене эти три ассистента, клоун и собака!

И тут объявили антракт. В антракте все только об этом фокусе и говорили, никто не мог догадаться, в чем дело. Только Димкин отец сказал, что он точно знает, в чем дело, но, когда его попросили объяснить, он начал объяснять, и выяснилось, что и он ничего не знает. Потом Вовкина мать спросила у Ленкиного папы, куда они собираются Ленку отправить летом. Начался разговор о летнем отдыхе, и каждый сказал, куда он думает отправить своего ребенка. Так получилось, что у всех спросили, и у Ленки, и у Вовки, и у Димки, куда они хотели бы поехать летом. А у меня никто и не спросил. Да и с какой стати они у меня будут это спрашивать, меня-то они никуда посылать не собирались, даже если бы я и сообщил им, куда я хочу. На это у человека свои родители есть. Я про себя подумал, что лучше пойду в ложу и там подожду начала второго отделения, но тут Ленка у меня спросила: "А куда ты поедешь летом?" Я только хотел ей сказать, что еще над этим не думал, — Вовкина мать сразу же, как будто только и ждала, чтобы у меня Ленка спросила, подхватила: "Да-да, скажи, пожалуйста, куда твоя бабушка надумала отправить тебя летом?" И такой тон был у нее при этом, как будто ей и впрямь интересно. Лучше бы и не спрашивала! Хотя она, может быть, забыла давно, что у меня отец есть, — на родительские собрания в школу ведь бабушка всегда ходит. Но тут все остальные тоже сделали очень заинтересованные лица, мол, ужасно для них это важно, куда я поеду летом. Я-то знаю, что на самом деле это интересует только меня и бабушку, так что зря они все стараются.

Я сказал, что ни папа, ни бабушка об этом еще ничего не говорили, но, наверное, поеду в пионерский лагерь, потому что мне там нравится. Я все боялся, что они будут еще какие-нибудь вопросы задавать в этом же роде, но тут, слава богу, Вовкин отец опять затянул свое, насчет пивного бара за углом, и Вовкина мать сразу же обо мне и думать забыла, очень на нее эта шутка производила сильное впечатление. А потом все еще о чем-то заговорили, но я уже не слушал.

Неинтересно было слушать, о чем они говорят, из-за этого антракт показался мне очень длинным. И еще, не знаю почему, но мне вдруг показалось, что я здесь совсем лишний. Так вдруг получилось, что будто они пришли все вместе — Ленка с отцом, Димка с отцом, Вовка с матерью и отцом, а я подошел со стороны, и теперь я как бы у них в гостях. По-моему, это даже нехорошо с моей стороны, что я так почувствовал, потому что все эти люди всегда ко мне относились очень хорошо, ничуть не хуже, чем к своим детям, но я все-таки почувствовал себя лишним. Это со мной часто бывает, когда я попадаю в такие места, где все со своими родителями, а я один. Сам понимаю, что не прав, но ничего с собой поделаться не могу. Я это первый раз в пионерлагере заметил. Всю неделю даже не думал о таких вещах, даже мысль ни одна такая в голову не приходила. Кроме каждого воскресенья — все радуются, а мне ужасно не по себе; и ничего особенного не происходило, просто ко всем ребятам приезжали навещать их родители. И ко мне бабушка обязательно приезжала. А мне все равно было как-то не по себе. Вот как сейчас. Наконец прозвенел звонок, и мы пошли на свои места.

Оркестр заиграл особенно торжественно, из-за занавеса вышел главный объявляющий в малиновом костюме, сплошь расшитом золотом, и, подождав, когда замолкнет оркестр, очень громким голосом объявил, что сейчас перед публикой выступят дрессированные львы. И сразу вслед за этим на арену, сплошь огражденную решетками, стали медленно, один за другим, выбегать львы. Сразу двенадцать львов выбежало на арену. До этого пахло только опилками и цирком, а тут сразу с арены запахло зверинцем. Львы сели на тумбы,

расставленные вдоль барьера, каждый на свою, встали на задние лапы и дружно зарычали, и в этот же момент на середину манежа вышел дрессировщик с длинным хлыстом в руке и раскланялся на все четыре стороны. Потом он щелкнул этим хлыстом изо всех сил, а звук был такой, как будто выстрелили из пистолета, и львы стали проделывать всякие интересные номера. Они и через горячий обруч прыгали, и на шарах больших катались, и с трамплина прыгали.

Время от времени ассистенты из-за решетки просовывали на пике кусок мяса. Львы это мясо проглатывали моментально, но все равно были чем-то недовольны, потому что непрерывно очень сердито рычали. И еще я заметил, что в двух местах снаружи у барьера стояли два человека в униформе и держали в руках наготове брандспойты. Они глаз не сводили с арены, и было видно, что они только и ждут момента, когда надо включить на полный напор водяную струю. Я подумал, что этот дрессировщик, несмотря на охрану, все равно очень смелый человек, не боится оставаться один на один сразу с двенадцатью львами, ведь может же случиться, что, когда они на него надумают броситься, из брандспойта вода не пойдет. Всякое же бывает — вдруг в это время где-то начнут ремонтировать трубы. Но этот дрессировщик, видно, о таких вещах не думал и львов нисколько не боялся, а может быть, и боялся, но очень ловко это скрывал. Он на них кричал громким голосом и одновременно с криком громко щелкал хлыстом, и львы его слушались. Правда, некоторые сразу, а два-три льва вообще слушались его очень неохотно, рычали особенно злобно, и даже когда все-таки делали разные номера, делали их очень медленно и лениво.

Ленка прижалась ко мне плечом и прошептала на ухо, что ей ужасно от вида этих львов жутко и что она боится, что они могут перепрыгнуть через эти решетки и броситься на нас. Я сказал, что это чепуха: ни один лев в мире, даже самый дикий, не сумеет прыгнуть на такую высоту, а Ленкин отец добавил, что у всех дрессировщиков и их ассистентов имеется огнестрельное оружие на тот случай, если лев захочет напасть на человека. Видно, так оно и было, потому что дрессировщик держался очень уверенно и, когда раскланялся после каждого очередного номера, поворачивался ко львам спиной, ничуть не беспокоясь, что они могут на него напасть, знал, конечно, что если даже в шлангах не окажется воды, то все равно его ассистенты выстрелить успеют. Мне вдруг показалось, что этот дрессировщик чем-то похож на Димкиного отца, и я сказал об этом Ленке, но она не согласилась — сказала, что у Димкиного отца и нос другой, и лоб, и глаза другого цвета. Но мне все равно почему-то казалось, что они очень похожи, дрессировщик и Димкин отец, хоть у них действительно были совершенно непохожие носы, глаза и лоб... А потом большой аттракцион со львами закончился. Всегда бывает жалко, когда кончается что-то хорошее. А самое обидное, что ничего нельзя сделать, чтобы оно не кончилось. Даже если об этом все время думать заранее, еще до того, как это хорошее началось. Ничего не помогает. Все равно кончается. Рано или поздно. Как ящик с мандаринами, который привезла нам в подарок моя тетя, вторая дочь бабушки. Это был очень большой деревянный ящик, и мандарины все в нем были как на подбор — крупные, почти как апельсины, с желто-красной блестящей кожицей. Их было так много, что когда из ящика брали пять, шесть или даже десять мандаринов, то казалось, что в ящике ничего и не произошло: сколько было мандаринов, столько и осталось. Казалось, что этих мандаринов хватит нам на всю жизнь. Но я заранее знал, что это только так кажется, и ничего тут не поделаешь, и ничего не

остановишь. Когда мандарины кончились, трудно было поверить, что еще совсем недавно этот ящик был полон мандаринов. До того теперь он был пустой! Улица после цирка показалась нам серой и неинтересной, хоть сегодня и было воскресенье, а ведь в воскресенье улица всегда кажется человеку намного приятнее, чем в обычные дни. Но, наверное, только не тогда, когда ты выходишь на улицу из цирка. В цирке было все таким ярким и красивым — и люстры, и арена, огороженная синим барьером, и красные сиденья кресел на трибунах. Я уже не говорю об артистах!

Даже зрители в цирке выглядели по-другому — все нарядные и, самое главное, смеются или улыбаются, ни одного хмурого или сердитого человека.

Мы дошли до троллейбусной остановки все вместе, и тут все стали прощаться. Родители между собой договорились созвониться и поблагодарили друг друга за приятную компанию.

Сперва на 8-м уехали Димка с отцом, а потом на 3-м Вовка со своими родителями. Ленкин отец вдруг ужасно заторопился, он вспомнил, что обещал дома сразу после цирка купить мастику для паркета. Он взял с меня слово, что я приду к ним завтра на обед, и ушел, а мы с Ленкой не торопясь пошли к нам. Мы шли и разговаривали о разных делах. Сперва поговорили о цирке, а потом о жизни вообще. Ленка сказала, что Димкин отец сегодня такой добрый, потому что Димка за последнюю неделю не получил ни одной двойки. Она еще добавила, что очень хорошо и удачно получилось, что все вдруг встретились в цирке, как будто бы заранее договорились пойти коллективно. Жалко вот только, что мой папа не сумел прийти. Мне было, с одной стороны, приятно, что Ленка, кажется, поверила, а с другой — не очень, потому что я опять вспомнил, что папа с нами не пошел.

Так мы шли пешком и беседовали, и вдруг Ленка спросила у меня, вспоминаю ли я свою маму. По-моему, она задала этот вопрос неожиданно для себя, по ее лицу это было видно.

А у меня до сих пор еще никто не спрашивал, вспоминаю ли я маму, и поэтому это был до того неожиданный вопрос, что я даже остановился. Но потом подумал, что ничего в этом вопросе странного нет.

Я сказал Ленке все как есть, что маму я вспоминаю не очень часто, потому что я ее почти не помню — когда она умерла, мне было всего четыре года.

Я помню только, что она была очень красивая и добрая. И еще сказал, что я вижу ее иногда во сне, но наутро никак не могу вспомнить ее лицо. Раньше помнил, а потом постепенно забыл. Помню только, что она очень красивая, и все.

И еще я помню запах ее духов, от нее и во сне пахнет этими духами. Жалко, что я их названия не знаю. А когда где-нибудь на улице почувствую запах этих духов, мне сразу становится грустно, но не просто грустно, а как-то по-особому — ведь еще в это время мне бывает немножко приятно... Всего на минуту становится грустно и приятно, и сразу все проходит... И еще я хотел рассказать Ленке, что я помню, как мама меня купала, я почему-то это очень хорошо запомнил, как она меня купала в ванне с розовой водой. Я даже помню, от чего она была розовая — от калипермангали, я это слово с тех пор на всю жизнь запомнил, и потом, завернув в полотенце, отнесла прямо в кровать.

Я не успел это Ленке рассказать, потому что она вдруг взяла меня под руку и дальше пошла со мной рядом молча и под руку... Меня еще ни одна девочка не брала под руку. Я даже не могу представить, что у нас в школе найдется еще одна девочка, которая может взять днем в воскресенье на улице человека под руку и так с ним идти! А Ленка в тот день взяла меня под руку, и мы так шли до самого нашего дома!

Вечером я очень долго ждал прихода папы. И уроки все сделал, и даже те, которые не надо было готовить на понедельник, и специально ел за ужином очень медленно, но ничего не помогло; бабушка посмотрела на часы, а время уже было начало двенадцатого, и сказала, чтобы я шел немедленно спать. Я как лег, так сразу и заснул, даже подумать ни о чем не успел толком. И сразу я увидел сон. Кажется, это был не один сон, а сразу несколько.

Сперва все было как наяву — я увидел цирк и львов, эту ложу, в которой мы сидели с Ленкой, да и саму Ленку увидел, только говорили мы с ней не о цирке, о чем-то другом. А потом я вдруг увидел, вернее, не увидел, а почувствовал, что я лежу в кровати в своей комнате, а на душе у меня очень радостно и приятно. Я только стал думать, отчего это мне так радостно, как увидел маму. Она склонилась надо мной и долго-долго смотрела на меня. Я удивился, что, несмотря на темноту в комнате, я очень хорошо вижу ее лицо. Это я во сне удивился. Я даже маму хотел спросить об этом, но не успел, она наклонилась совсем низко, так что я почувствовал запах духов, и несколько раз поцеловала меня теплыми губами.

— Мальчик мой, — сказала мама. — Спокойной ночи, сегодня ты стал у меня на год старше. — Она поправила на мне одеяло и снова отошла.

И тут я все вспомнил. Ведь сегодня день моего рождения — мне исполнилось четыре года. Столько гостей пришло к нам, еле-еле все за столом поместились. А потом все танцевали, и мама с папой танцевали. А я, честно говоря, на танцующих смотрел не очень внимательно, потому что разворачивал подарки, которые мне в тот вечер подарили. Особенно мне танк понравился. Я его завел и пустил по полу, очень это был хороший танк, он и стрелял на ходу, и поворачивал башню с дулом в разные стороны...

А потом я услышал голос мамы: "Да он же совсем уже спит" — и ее смех. А потом ни с того ни с сего я увидел, что мама меня завернула в полотенце и несет из ванной вверх по лестнице в спальню, а я смеюсь оттого, что мне щекотно. И опять я увидел ее лицо над собой, и она спросила у меня:

— Ты меня часто вспоминаешь? — но на этот раз мне показалось, что она очень похожа на Ленку, и тут я увидел, что это не мама, а Ленка. Потом я вдруг увидел папу. У него было очень худое, никогда я его раньше таким не видел, озабоченное лицо!

Мне сперва показалось, что он смотрит на меня, а потом я увидел, что хоть он и смотрит в мою сторону, но меня не видит, и лицо у него очень сердитое. Он все продолжал смотреть, и я почувствовал, что он теперь уже смотрит на меня, но лицо у него не просто сердитое, а злое и страшное. Мне показалось, что он меня сейчас ударит, я вскрикнул и побежал... И сразу же проснулся.

Что самое удивительное, кровать подо мной качалась, как будто я вправду хотел убежать. Было уже утро. Я полежал некоторое время, я очень люблю полежать утром в кровати — в это время очень хорошо думается о всяких приятных вещах. Но сегодня мне совсем не

хотелось оставаться в постели. Я вспомнил свой сон, весь целиком, и подумал, что это чем-то необычный сон, такие я раньше не видел. Много в нем было удивительного: и то, что у мамы вдруг оказалось лицо Ленки, и то, что папа хотел меня ударить. А ведь он меня ни разу еще не то что не ударил, а даже не кричал на меня никогда. Я все лежал и вспоминал этот сон, хоть мне было почему-то очень неприятно его вспоминать, и совсем уже собрался было встать, и в этот момент я вдруг понял одну вещь. Эта мысль пришла мне в голову сразу, не понимаю, как я до сих пор об этом не догадался. Я вдруг все понял! Это же любому дураку ясно! Я встал, быстро оделся и спустился вниз.

Бабушка удивилась, что я встал сам, без напоминаний, и обрадовалась, она всегда радуется, когда видит меня по утрам. Она сказала мне, после того как мы поздоровались и я умылся, что папа приехал поздно, почти под утро, очень уставший и поэтому лучше его не будить. Я сел завтракать и в то же время стал думать, с чего мне начать разговор с бабушкой. Оказывается, иногда очень трудно начать разговор. Насколько бабушка мне близкий человек, но и то в тот день я не знал, с чего же его начать. Долго я над этим думал, почти все время, пока завтракал, а потом решил, что его надо начать прямо; я прямо так и спросил:

— Бабушка, у меня родной отец или приемный? — я сразу понял, что неправильно спросил, потому что приемными бывают дети, так что это я, наверное, приемный, отец же не бывает приемным, отец бывает или родным, или неродным, и больше никаким другим.

Бабушка, когда со мной разговаривает, никогда не прекращает заниматься своими делами, она во время разговора со мной и обед готовит, и штопает, и даже рыбу чистит или курицу, ничего ей не мешает разговаривать. Но на этот раз бабушка чуть из рук чайник не выронила — она несла его к столу мне чай налить, — до того ее мой вопрос удивил. Она даже ахнула очень тихо, но я все равно услышал. Она сразу поставила чайник на стол, сама села и говорит мне:

— Ты что, милый мой, не с той ноги проснулся? Ты почему с утра такие глупые вопросы задаешь?

— Бабушка, — сказал я, — я же не маленький, ты мне скажи прямо, это родной мой папа или нет?

Бабушка посмотрела на меня и вдруг заплакала. Вот только этого не хватало, чтобы из-за моих дел бабушка так расстраивалась. Она, наверное, подумала, что я очень переживаю из-за того, что у меня неродной отец, а я, после того как догадался об этом, даже и не думал переживать. В конце концов, ничего в этом страшного нет, если у человека неродной отец. Самое ведь главное, чтобы только не обманывали. И потом, он же меня совершенно не обижает, хорошо относится. Почти как родной. Даже многие родные хуже бывают. Я бабушке так прямо все и сказал. Сказал, что и переживать нечего, пусть она мне только скажет, жив ли мой настоящий отец и где он находится... Я про себя точно знал, что мой настоящий отец гораздо хуже, чем этот, потому что лучше моего этого неродного отца человека быть не может, но все-таки глупо жить с чужим человеком, даже самым хорошим, если есть на свете свой родной отец, пусть самый плохой! Лишь бы он был жив, а не умер, как мама. Я все это говорил, а бабушка смотрела на меня с удивлением и постепенно перестала плакать. Она вытерла слезы и даже попыталась улыбнуться.

— Глупости говоришь, — сказала бабушка. — И с чего это тебе в голову взбрело?

— Вот взбрело, — сказал я. — А почему ты не говоришь, так это или нет?

Бабушка вздохнула, встала и налила мне чай. Потом отнесла чайник на кухню, поставила его на плиту, села со мной рядом и сказала:

— И он тебе родной, и ты ему, и ближе вас двоих нет на свете людей.

Все-таки я ужасно обрадовался, когда она так сказала. Я не совсем поверил ей, но обрадовался очень, даже внутри что-то у меня от радости дрогнуло.

— А ты разве мне не самый родной человек?

— Конечно, родной, — сказала бабушка и задумалась, долго о чем-то думала, а потом и говорит: — Ты больше никогда так не думай. — А потом сказала такое, что я просто никак не мог понять, что мне и думать: — Так я и знала, что так будет когда-нибудь. — И снова вздохнула. — Знаешь, я тебе, пожалуй, кое-что расскажу сейчас, хоть и рано тебе все это знать. А рассказать надо, если что случится, и узнать тебе все не от кого будет. — Бабушка как будто про себя эти слова сказала, так у нее получилось.

Мне очень хотелось спросить у бабушки, что это может случиться, из-за чего она не сумеет мне рассказать такие, кажется, очень интересные вещи, но потом решил ее не перебивать, а спросить позже, когда она кончит.

— Ты дедушку хорошо помнишь?

Так я и знал! О чем бы наша бабушка ни заговорила, дедушку она должна вспомнить обязательно! В любом разговоре о нем должна упомянуть хотя бы двумя-тремя словами. И всегда получается, что если бы дедушка был жив, то сейчас все было бы по-другому, гораздо лучше, разумеется. Иногда это надоедает.

— Как же я его могу хорошо помнить, — сказал я, — ведь я тогда совсем маленький был!

— Ты и сейчас маленький, — сказала бабушка и опять заплакала.

Честно говоря, очень я пожалел, что затеял этот разговор.

— Ты не плачь, — сказал я. — Я тебя прошу, ты не плачь. А я пойду в школу, уже пора.

Бабушка вытерла слезы и вдруг такое сказала, что я удивился, просто неслыханно, никогда в жизни я от бабушки ничего подобного и не слышал, я даже не думал, что бабушка может такое сказать. Я бы, конечно, не удивился, если бы это сказала Ленка или Евтух...

— Не убежит твоя школа, — сказала бабушка. — И ты в этом никогда не сомневайся. Это у него характер такой тяжелый... Я ведь его всю жизнь видеть не могла. Но это дело прошлое, и к тебе никакого отношения не имеет.

— А за что же ты его не любила? — вот никогда не думал, что бабушка моего папу не любит. У них всегда были хорошие отношения. Правда, она никогда и не говорила, что любит его...

— Давняя это история, — сказала бабушка и задумалась. — Хотя, если подумаешь, то как будто и прошло-то совсем немного, а всей жизни как не бывало... Счастливей меня тогда и человека не было! Жив был твой дедушка, жили мы с ним душа в душу. Сейчас вспоминаю

все это, думаю, господи, а было ли это все в самом деле или приснилось мне... Дедушка твой был на весь город известный человек, лучше его и врача не было. Все его знали и уважали. И дочки обе у меня были красавицы, весь город мне завидовал. Добрые и скромные. Так и жили мы. А потом твой отец появился. Я его как увидела, так он мне сразу не понравился. Собою вроде и хорош, пока к нему не присмотришься, да взгляд у него тяжелый, волк, и только. И деду твоему он не понравился. Честно говоря, дед твой хотел, чтобы дочь его за врача вышла, чтобы зять у него был человек его круга, его профессии. А мать твоя ни о ком другом и слышать не хотела. Мы попробовали ее отговорить, но видим — бесполезное дело, отступились.

Дедушка меня успокаивал все, говорил, что характер у твоего отца понятно отчего тяжелый, жизнь у него сложилась с самого начала плохо, я умом понимала это, но все равно душа к нему не лежала. А отцу твоему в жизни действительно не повезло. Он ведь сирота круглый, в детдоме вырос...

— А отчего его родители умерли? — спросил я, а самому стало жалко папу, оказывается, он совсем без родителей вырос, наверное, ему тогда несладко пришлось.

— Очень давно это случилось, — сказала бабушка. — Город наш тогда был раз в пять меньше, чем сейчас, и все тогда сразу становилось известным.

Об этой истории очень много тогда говорили, поговорили, а потом и забыли, так ведь всегда бывает. Я, когда эту историю слушала, разве могла предположить, что потом, спустя двадцать пять лет, о ней вспомню... И еще как вспомню! Родители твоего отца, Дагкесаманские, твои покойные дед и бабушка, тоже известными людьми у нас в городе тогда были, хорошие были люди и уважением всеобщим пользовались.

В тот день, в воскресенье, когда случилось это несчастье с ними, они вдвоем, муж и жена, собрались за город поехать, к приятелям каким-то, и ребенка с собой взяли, у них один был сын, ему тогда еще и года не было. На машине поехали, а за рулем был твой дед Дагкесаманский, красивый человек был, очень высокий, стройный, и жена ему под стать. Выехали за город, а тут железная дорога. В те ведь времена машин было мало, это потом светофоры появились всякие, знаки, а тогда во всем городе ни одного светофора не сыскать. И через железную дорогу шлагбаумы только в двух-трех местах и были. И бог с ними, со шлагбаумами и светофорами, а машина возьми и застрянь. Говорили потом, что мотор у нее заглох. А из-за поворота поезд вырвался, это в метрах двадцати от того места, где они застряли. Они пытались выскочить, но не успели, видно, растерялись. А я так думаю, из-за ребенка они замешкались. Говорили потом, что поезд их вместе с машиной в кровавое тесто растер. Страшное это было дело. Только и успела мать в последнюю секунду ребенка в сторону от полотна отбросить. Люди с поезда прибежали на место катастрофы, смотрят — на земле лежит ребенок в пеленках и плачем захлебывается, хоть и не знает еще, какая с ним беда приключилась. Люди поговорили об этом деле, долго говорили, а потом забыли.

А мальчика отдали в детский дом, потому что из родственников у Дагкесаманских никого не оказалось, а чужой ребенок никому не нужен. Об этом мальчике никто и не вспоминал, пока он в детдоме жил. Он там и школу окончил, а потом и военное училище. Когда я его в первый раз увидела, он был старшим лейтенантом. У нас дома он бывал очень редко,

чувствовал, что мы ему не очень рады, таким он и остался нам, мне с мужем, чужим, даже после того, как женился на нашей дочери. Он вообще людей сторонился, и, насколько я знаю, друзей близких у него никогда не было. Тяжелый характер у твоего отца был. По-моему, он, кроме твоей матери, никого и не любил в жизни. Менялся весь, когда ее видел. На глазах оттаивал. Другим человеком становился. И она, покойница, его очень любила, даже к нам, после того как замуж вышла, заходить стала очень редко, обидно это было, но мы молчали, не хотели счастьем дочери мешать. И потом, мы видели, что им никто и не нужен, кроме их двоих. Он благодаря ей вроде и характером изменился, гости у них часто бывали, с удовольствием люди к ним в дом ходили. Хоть и не любила я его, но по справедливости должна сказать, что дай бог любой женщине, чтобы к ней так любимый человек относился. Глаз с нее не сводил, только на руках и не носил на людях! А потом ты родился, после этого я стала к ним чаще приходить, не шутка ведь, первый внук у меня родился, но потом перестала. Встречали меня хорошо, ничего не скажешь, но все равно чувствовала я в его доме себя лишней, даже сказать тебе не могу, отчего это происходило. И дед почти не бывал в этом доме. Так и жили на расстоянии, хоть и отношения у нас были тогда хорошие. А потом в моей жизни начался самый тяжелый период... И после смерти деда ничего не изменилось.

Через год после смерти бабушки твоя тетя, сестра мамы, замуж вышла и переехала в Москву, все звала меня к себе, и я уже совсем было собралась уехать, хоть и жалко было с родным городом расставаться, но заболел ты. Я решила отложить свой отъезд на недельку, на две, пока ты не выздоровеешь... Все по-другому получилось. У тебя дифтерит оказался в очень тяжелой форме. Поздно мы спохватились, сперва думали, что у тебя ангина, врач из поликлиники так определил. Был бы дедушка, никогда бы этого не случилось. А болезнь ты переносил очень плохо, был такой день, когда и надежду всякую мы потеряли, ты уже задыхаться начал, но потом все обошлось. Твоя мать и отец день и ночь от твоей постели не отходили. Выходили тебя.

Бабушка замолчала. Я по ее лицу догадался, что она не хочет рассказывать, что было дальше. Или, может быть, она просто задумалась, чтобы получше вспомнить то, что произошло столько лет тому назад. Ведь хорошо еще, что у бабушки такая хорошая память, до того хорошая, что она почти все подробности помнит, особенно если что-то связано с бабушкой.

— А что же было дальше? — я спросил очень осторожно, так, чтобы она не раздумала рассказывать.

— Дальше? — сказала бабушка таким голосом, как будто только что ее разбудили. — Дальше... Ничего хорошего уже не было. Мама твоя заболела тогда. Сперва дифтеритом...

В первый раз слышу, что мама болела дифтеритом.

— Она от меня заразилась?

— Может быть, от тебя... Вряд ли... Скорее всего, вы заболели вместе, просто в ней болезнь проявилась позже. Дифтеритом она всего несколько дней проболела; можно сказать, она его на ногах перенесла, была очень легкая форма. А потом вдруг сразу почувствовала себя

очень плохо — воспаление мозга. Менингитом называется эта проклятая болезнь. Только первые дни и была в сознании.

— А что потом?

— Ничего, ничего не было, — сказала бабушка. — Дальше я собралась переезжать.

А я ничего и не помню из всего этого. То, что я болел, я вспоминаю очень смутно, иногда мне кажется, что я во сне все это видел, но все-таки вспоминаю. А вот как болела мама, никак не могу вспомнить. Изю всех сил напрягаю память, но ничего не получается. Наверное, никогда вспомнить не удастся.

— А я плакал, когда мама умерла?

— Нет, — сказала бабушка. — Ты не плакал. Ты тогда уже совсем пошел на поправку. Тебе еще долго не разрешали ходить, боялись, что осложнение останется какое-нибудь на сердце или на почках — после дифтерита часто бывает такое... Обошлось, слава богу...

Я слушал бабушку и старался представить себе, как все это было, но ничего у меня не получалось. Даже маму я никак не мог вспомнить, как будто ее никогда на свете и не было. А вот папу я представил себе очень хорошо, в одном месте только пришлось постараться, когда бабушка рассказывала о том, что в то время к нам часто приходили люди в дом и папа с мамой часто ходили в гости.

— Он даже не подошел ко мне, — сказала бабушка. — Ни на кладбище, ни дома. Все стоял один и смотрел в одну точку, как будто ничего не видит и не слышит.

Люди к нему с соболезнованием подходят, а он смотрит на них, как будто они и не с ним разговаривают, а с кем-то другим, кто с ним рядом стоит, а может быть, даже и не заплакал ни разу. Грех мне тебе говорить об этом, но характер у твоего отца тяжелый, очень трудный у него характер. Ведь я же все-таки ему не посторонний человек, мать его жены, а он после ее смерти ни разу в дом ко мне не пришел, не позвонил ни разу. Правда, он долго еще после ее смерти вообще никуда не ходил. Только и знал, то работу и дом. А я уже совсем собралась уезжать. И вещи все свои собрала, и билет купила на поезд. Через два дня должна была уехать. В этот вечер я одна была дома. Слышу, звонок. Я даже не подумала, кто это может быть, в то тяжелое время к нам ходили многие люди, с которыми я годами не виделась, приходили ко мне прощаться — не шутка, я ведь в этом городе всю свою жизнь прожила. Открываю дверь, а это, оказывается, твой отец пришел. Удивилась я очень — то ни разу не заходил, когда это нужно было, даже не то что нужно, а необходимо было. Любой нормальный человек должен был тогда приходиться, если не каждый вечер, то хоть через день, а он ни одного разу не соизволил зайти, а тут пришел и даже не позвонил, не предупредил, что придет, как будто был уверен, что я дома. Он зашел в дом, на чемоданы в гостиной покосился, ничего не спросил, как будто так всегда было, что у меня посреди комнаты чемоданы бывают в ряд выстроены. Сел за стол и молчит; слава богу, хоть поздоровался входя! Потом говорит мне, что он решил, что я должна жить вместе с вами — тобой и отцом. Он решил, видите ли! Я ему объяснила, что я уже билет купила, переезжаю к дочери послезавтра, он послушал, ты же знаешь его манеру слушать, как будто перед ним не человек, а пустое место, и говорит, что завтра с утра прилетит грузовик и грузчиков, чтобы мои вещи перевезли в его дом. Я ему сказала, чтобы он зря никаких

грузчиков не посылал, потому что я и не подумаю переезжать в его дом, и вообще мне непонятно, для чего это нужно.

— Это нужно для ребенка, — сказал он. — Он нуждается в присмотре.

Я ему предложила, чтобы он отдал тебя мне, — сказала, что возьму тебя с собой в Москву, так всем будет лучше, и ему будет лучше: сын его будет в надежных руках, и он сумеет свою жизнь наладить, человек он молодой, погорюет немного, а потом и жениться надумает, жизнь-то свое берет, рано или поздно. Наверно, о женитьбе тогда ему зря сказала, и даже подумала сперва, что он может обидеться на меня, а потом решила, пусть обижается, очень он мне был тогда неприятный человек, и сказала.

Он только усмехнулся, невесело так усмехнулся, только зубы показал, и говорит, что насчет женитьбы он непременно подумает, а пока я должна переселиться к нему. Я ему стала объяснять, что ребенку лучше жить в моей квартире, чем в его развалюхе на окраине. Ты же знаешь, какая у меня хорошая квартира — в центре города четыре комнаты, все светлые, просторные, с балконами, потолки высокие, да что говорить, таких квартир, как у твоего деда, всего-то в городе было несколько. Он меня послушал и головой покивал, а когда я кончила, сказал, что все это так и есть, но что ребенок будет жить в своем доме, и больше нигде, и что дом свой, отцовский, он в ближайшее время отремонтирует.

Я попыталась ему объяснить, что и эта квартира ребенка, я ее с собой в могилу уносить не собираюсь, мне она ни к чему, а он только усмехнулся. И больше разговаривать не стал. Попрощался и ушел. А наутро прислал грузовик с рабочими. С тех пор и живем все вместе.

Бабушка опять замолчала и задумалась. Наверное, вспомнила все это свое прошлое. Интересные вещи она мне рассказала. Конечно, отец у меня родной. Это теперь совершенно ясно, хорошо, что, кроме бабушки, никто и не узнал о том, что мне такая мысль пришла в голову. Очень стыдно было бы сейчас, если бы кто-нибудь узнал, что я о своем родном отце мог такое подумать. Вот перед бабушкой мне не стыдно, я своей бабушке все могу сказать.

— Бабушка, — спросил я, — а почему он меня не любит?

— Любит он тебя, как же не любит, когда ты его родной сын. И кровь у вас одна. Ты же его любишь?

— Я-то его люблю. Только, конечно, не за то, что у нас одна кровь. Я его люблю потому, что он очень хороший. Я ни одного человека на свете не знаю лучше моего папы. Он самый сильный, и самый умный, и самый храбрый. Вот за что я его люблю. Если бы он еще ко мне хорошо относился! Я, может быть, ему как человек не нравлюсь? Или он меня просто не любит. Бывает же так, что невлюбишь человека с самого начала ни за что ни про что, так и продолжается это все время. Но скорее всего, ему просто безразлично, есть я или нет. Просто он думает, что раз уж есть у него сын, то он должен о нем заботиться и все, что необходимо, для него делать. Он и делает все. А любить человека за то, что у тебя с ним одна кровь, конечно нельзя.

Я с бабушкой об этом спорить не стал, потому что спорить с бабушкой бесполезное дело. Ее ни в чем переубедить нельзя, если она в чем-то уверена. Вот, например, я ей сколько раз рассказывал о том, что в космосе происходит, что на Луне уже люди побывали. А она

ничему этому не верит, говорит, что придумать можно все, что хочешь, и про Луну, и про Солнце, говорит, она эти сказки еще в детстве слышала. Она даже газеты не читает, когда в них о космосе что-нибудь бывает напечатано. А если по телевизору показывают, говорит, что это кино, а в кино все, что хочешь, можно показать. Говорит, что она помнит, как они с дедушкой ходили в кино и смотрели фильм "Багдадский вор", так там и летающие ковры показывали, и как из обыкновенной бутылки человек появляется, и еще очень много удивительных вещей...

Я иногда очень жалею, что бабушка увидела в молодости этот фильм, потому что с тех пор она совсем перестала верить в науку. Я ей и газеты показывал, и журналы, но она ни в какую — говорит, что это придумало правительство для того, чтобы как-то развлечь людей. Говорит, что я еще маленький и не понимаю этого. Я думаю, что бабушка поверила бы во все это, если бы ей рассказал об этом дедушка, но в то время, когда был жив дедушка, в космос еще не летали, и поэтому он бабушке насчет этого ничего не сказал.

— Любит он тебя! — сказала бабушка. — Ты не сомневайся в этом. Просто у него характер уж такой. В душе он тебя любит, тебе и не видно.

— Бабушка, — сказал я. — Почему же ты так говоришь? Ты же сама рассказывала, что всем было видно, как он маму любил. Значит, когда человек любит, это всем заметно. Это не обязательно видно, даже если он об этом и не говорит все время.

— Да, — сказала бабушка. — Он очень любил ее. С ней он другим человеком становился. Я ему готова все простить за то, что моя дочь была с ним счастливой. — Бабушка опять всплакнула, она всегда очень расстраивается, стоит ей только вспомнить маму. Она только головой кивнула, когда я сказал ей, что ухожу в школу.

На географию я, конечно, опоздал, но на второй урок мог вполне успеть. Я, уже когда подошел к углу школы, услышал звонок, только непонятно мне было — он на перемену или на урок. На всякий случай я побежал. Подбегаю к входу, а у дверей стоит Ленка. Оказывается, ждет меня.

— Я уже хотела к вам пойти, — сказала Ленка. — Думала, что случилось. Ты же вчера не сказал, что не придешь на первый урок.

— Ничего не случилось, — сказал я. — С бабушкой разговаривал.

— Все-таки что-то случилось, — сказала Ленка, подумав. — По-моему, настроение у тебя плохое.

— Хорошее у меня настроение, — сказал я.

— Не хочешь говорить, не надо, — сказала Ленка и зашла в школу.

Ну и я пошел вслед за ней. Иду и думаю: до чего же все-таки Ленка хитрющая, ничего от нее скрыть нельзя. Обо всем сама догадается. Но иногда это даже бывает приятно, что она такая догадливая. Самому ничего рассказывать не надо. Все-таки, оказывается, этот звонок, который я еще на улице слышал, был на урок. Значит, я и на физику опоздал. Мы с Ленкой дошли до физического кабинета, а он на четвертом этаже, в коридоре уже ни одного человека видно не было. Перед тем как зайти в класс, я заглянул в щелку, все наши сидят, а у доски Димка, я только не успел заметить, что он там делает, то ли его отвечать вызвали,

то ли он просто с доски стирает как дежурный, потому что меня потянула за пояс Ленка и сказала, что раз уж я не пришел на географию, то нам не стоит идти и на физику, тем более что она на сегодня ничего не выучила.

Мне, честно говоря, хотелось зайти, но, когда Ленка так сказала, я сразу раздумал. Мы стали думать, куда бы нам пойти, но так ничего и не придумали, а поднялись на седьмой этаж, последний. А там я увидел, что на крышу открыт люк. Мы с Ленкой даже остановились от удивления. Никогда еще такого не бывало! Всегда он бывает закрыт, а сегодня его кто-то оставил открытым. Удивительная история! Видно, завхоз забыл его запереть, на крышу, наверное, ведь только он и поднимается.

Мы сразу поняли, что такой случай упускать нельзя, и по железной лесенке поднялись наверх и вышли на крышу. Очень приятно было стоять на крыше, было очень тепло, и весь наш город был отсюда виден. Мы с Ленкой подошли к самому краю и заглянули вниз, даже дух захватило, до того было высоко.

Мы еще немного постояли, а потом решили спуститься, пока не пришел и не увидел нас здесь завхоз. Мы подошли к самому люку, и вдруг Ленка говорит мне:

— Хочешь, я тебя поцелую? — и поцеловала меня в щеку, и губы у нее были очень прохладные.

Она ужасно покраснела, после того как поцеловала меня, и замолчала. Я посмотрел на нее и увидел, что Ленка сегодня очень красивая. Она была в голубой матроске, а в волосах у нее был белый бант. И еще я увидел, что у Ленки синие-синие глаза. Никогда до того, как мы влезли на эту крышу, я не замечал, что они у нее такие синие. Мы с ней поцеловались еще несколько раз, а после того как перестали целоваться, Ленка мне сказала, что я очень хороший и она всю жизнь будет ко мне хорошо относиться. Я хотел ей ответить, я хотел ей сказать то же самое, но только от своего имени, но в это время увидел, что в окне соседнего дома появилась какая-то женщина и совсем уже собралась посмотреть в нашу сторону. Мы с Ленкой быстро спустились вниз и стали в коридоре дожидаться перемены. Ленка была очень красная, но, когда я ей сказал об этом, ответила мне, что и я ужасно красный, тут я и сам почувствовал, что у меня горят щеки.

Я стал думать, что было бы очень хорошо, если б до перемены наши щеки остыли. Мы с Ленкой до окончания урока поговорили о разных вещах, но о том, что было на крыше, даже не вспомнили, хотя все время думали об этом. Что удивительно — это то, что за все время, что я учусь в нашей школе, я никогда еще, кроме того дня, не видел, чтобы на крышу был открыт люк. Я и потом много раз, можно сказать, каждый день в каждую перемену поднимался на седьмой этаж, но этот люк всегда был закрыт. Такое впечатление получалось, что он никогда не был открыт. Даже замок на нем был весь рыжий от ржавчины. И у нас в классе я специально спрашивал, никто никогда не видел его открытым. По-моему, это удивительное совпадение, что в тот день, когда я разговаривал с бабушкой и опоздал на второй урок, Ленка решила дождаться меня и не идти на физику и именно в тот же день и, самое главное, час люк на крышу оказался открытым.

Я думаю, что, если бы не эти удивительные совпадения, жизнь человека была бы гораздо хуже.

На следующий день я пришел в школу хоть и вовремя, но все равно получилось так, что на первом уроке мне побывать не удалось. И не только мне, а всему нашему классу, а точнее — всей нашей школе. И все были очень довольны, и, по-моему, педагоги тоже. Все, конечно, разошлись по своим классам, но урока ни в одном классе не было. Потому что случилось удивительное событие. Суслик сказал, что за время существования нашего города, а город наш хоть не очень большой, но древний, такого события еще не случилось.

Суслик сказал, что об этом событии будут писать во всех газетах, в том числе и центральных (так оно потом и получилось), и поэтому мы все обязаны очень тщательно накапливать факты.

Дело было в том, что этой ночью из цирка сбежали два льва. Они сбежали поздней ночью и до наступления дня где-то прятались. Ночью их видел издали только один человек — студент педагогического института, и сразу заявил об этом милиционеру. Но, на свое несчастье, этот студент был выпивший, он возвращался со дня рождения, и милиционер посоветовал ему поскорее пойти домой и лечь спать, пока ему еще что-нибудь с пьяных глаз не привиделось.

Студент стал с ним спорить, тогда милиционер забрал у него студенческий билет и пообещал утром обязательно сообщить в институт, что этот студент в пьяном виде приставал с глупыми шутками к милиционеру при исполнении им служебных обязанностей.

А с утра в городе начался страшный переполох. Оказывается, наш город совершенно не приспособлен к тому, чтобы в нем убегали на волю дикие животные. Все ходили ужасно перепуганные, как будто не два льва сбежали, а, по крайней мере, целая стая. Я, еще когда утром из дому вышел, почувствовал что-то неладное — по улицам разъезжали милиционеры на машинах и мотоциклах и даже проехали две-три машины военные, открытые, в которых сидели солдаты с автоматами.

Я очень обрадовался, что об этом побеге не знает моя бабушка, иначе она меня ни за что не выпустила бы из дому. А уже подходя к школе, я увидел троллейбус с разбитыми стеклами и "Скорую помощь" возле него. Оказывается, львы выскочили на перекресток и чуть не попали под машину, водитель сразу затормозил, а один из львов с перепугу прыгнул на троллейбус, всем телом ударился об его окна. Пассажиры все страшно перепугались и бросились кто куда, вот в этой суматохе одна женщина очень сильно разбила лицо, а некоторые пассажиры тоже ушиблись, но не так сильно. После этого львы скрылись. В последний раз их видели на самой окраине. Они там еще собаку убили — дога. Он по неопытности побежал за ними, это и понятно: откуда этому городскому догу знать, что со львами собаке лучше не связываться, а лев некоторое время терпел, а потом обернулся и как даст ему лапой — говорят, от дога только мокрое место осталось.

Все считали, что это произошло по неопытности дога, но я подумал, что, может быть, этот дог был просто очень храбрый и, побежав за львами, прекрасно понимал, что у него могут быть большие неприятности. Теперь никто не знал, где эти львы скрываются. Говорили, что они спрятались где-нибудь за городом на какой-нибудь даче. Лето только началось, и почти все дачи еще стояли незаселенные.

Суслик сказал, что такого второго случая в жизни нам, наверное, не представится, и мы должны обязательно завести дневник, в который с большой точностью должны заносить все факты, связанные со львами, с момента их побега до того времени, когда их поймают. А в том, что их поймают, Суслик не сомневался.

Мы стали обсуждать, каким должен быть дневник, но в это время в класс вошла Мария Исаевна Теруни, наш директор, и сказала, чтобы ни один человек после занятий сам домой не шел — все ребята пойдут домой вместе, в сопровождении учителей, и они по очереди всех разведут по домам. Она сказала, что по радио передали, чтобы детей одних без сопровождения взрослых на улицу не выпускали, потому что это может быть опасным. Всем это сообщение ужасно понравилось. Подумать только, никогда такого не было: в нашем городе — и вдруг что-то опасное. Все стали опять говорить о дневнике, и Суслик сказал, что дневник должен быть обязательно коллективным, но кто-то один нужен главный, вроде редактора, чтобы отвечать за его аккуратное состояние. Он спросил, кого мы предлагаем, и мы единогласно избрали главным для дневника Вовку Евтуха. Вовка покраснел, сразу стал очень важным и заговорил официальным языком. Он сказал, что первым долгом мы должны в этот дневник внести фамилию того студента, который ночью увидел львов, а также точное время, когда он их увидел.

Все согласились с Вовкой, но выяснилось, что фамилии студента и точного времени никто не знает. Тогда Вовка подумал и сказал, что ничего у нас не получится, если мы не будем про этих львов знать абсолютно точные вещи, а узнать их мы можем с помощью только одного человека в нашей школе. И кто, вы думаете, этот человек? Я. Вовка сказал, что только с моей помощью можно узнать самые точные вещи. Все посмотрели на меня и радостно закричали, что я должен пойти к папе и все у него разузнать. Мне ужасно не хотелось идти к отцу, но когда Суслик вопросительно посмотрел на меня, я кивнул головой.

Суслик спросил меня: удобно ли это? Я стал думать, что ему ответить, но все опять хором закричали, что очень удобно, и я опять кивнул головой.

Суслик сказал, что меня одного он никуда не отпустит, а Вовка сразу же добавил, еще прежде чем Суслик кончил говорить, что со мной пойдут он и Димка, тут я тоже не выдержал и сказал, что и Ленка пойдет, я уже видел — она очень расстраивается из-за того, что о ней никто и не вспомнил. Суслик проводил нас до выхода, остановил такси и поручил шоферу, чтобы он отвез нас в управление городской милиции. Суслик нам сказал, что он и ребята будут с нетерпением ждать нашего приезда. В машине у всех у нас было веселое настроение, потому что Вовка стал рассказывать о том, как львам удалось сбежать из цирка. Он сказал, что они давно мечтали о побеге и очень здорово подготовились к нему, подобрали ключи к замкам клеток, подкупили сторожа и достали все необходимые географические карты. Единственно, в чем им не повезло, это в том, что они неграмотные, хоть и дрессированные, и поэтому самостоятельно в плане нашего города разобраться не сумели.

У входа в управление нас остановил дежурный и спросил, куда мы идем. Мы объяснили, он позвонил в приемную, и секретарша сказала ему, чтобы нас пропустили. В лифте мы окончательно договорились, о чем будем говорить с папой.

Секретарша приветливо поздоровалась с нами и сразу пропустила к папе. Я в первый раз увидел его кабинет. Это была очень большая комната с двумя кондиционерами в окнах, с большим портретом Дзержинского над письменным столом. А на столе, так же как у нас дома, стояло два телефона. Когда мы вошли, папа разговаривал с каким-то человеком. Он, не прерывая разговора, кивнул нам головой и показал на кресла. Я сперва не узнал этого человека, но Вовка толкнул меня локтем, и я тогда его узнал. Это был дрессировщик из цирка — укротитель львов. Я присмотрелся, он и впрямь был похож на Димкиного отца. Вблизи сходство просто в глаза бросалось. Он был очень расстроен и показывал папе какие-то бумаги. Мы сразу поняли, что речь идет о львах, и стали внимательно слушать.

— Вот акты о передаче двух львов зоопарку вашего города, — сказал дрессировщик, показывая папе эти бумаги. — Я им передал, они их погрузили в свои передвижные клетки и оставили до утра на территории цирка. Прошу вас обратить внимание на тот факт, что львы сбежали из клеток, принадлежащих зоопарку. Я не виноват в том, что они предоставили неисправные клетки, и ответственности за это никакой нести не должен.

— Вас никто ни в чем не обвиняет, — сказал папа, на акты он даже не посмотрел. — А почему вы решили передать этих львов нашему зоопарку?

По-моему, дрессировщику очень понравились папины слова о том, что его никто ни в чем не обвиняет: у него даже голос изменился, стал неторопливым и даже уверенным.

— По чисто профессиональным причинам. Львы эти абсолютно здоровые и молодые. Видите ли, в чем дело, считается, что звери из породы кошачьих вообще очень трудно поддаются дрессировке. Вы были на нашем спектакле?

Папа отрицательно покачал головой.

— Жаль. Вы бы увидели, что в общем вся группа львов может считаться вполне успешно прошедшей обучение и дрессировку. Несмотря на то, что я их принял сравнительно недавно. Только эти два сбежавших льва не поддавались никакой дрессировке. Главным образом из-за их очень злобного и, я бы сказал, коварного нрава... Перед тем как приехать в ваш город, мы гастролировали в Баку. Так вот там они набросились без всяких к тому причин на моего ассистента, и нам удалось спасти парня только чудом. Он до сих пор лежит в больнице.

— Почему же вы их не отдали в бакинский зоопарк?

— Мы предлагали, но они отказались, у них есть две пары прекрасных берберских львов.

— Как вы думаете, — спросил папа, — на воле они представляют большую опасность для людей?

Дрессировщик кивнул головой.

— Да. У них вообще нрав свирепый, а теперь, когда они раздражены непривычной обстановкой, голодны и напуганы, я думаю, они представляют очень большую опасность, особенно с наступлением темноты. А в чем ваша задача, товарищ полковник? Вы хотите их поймать?

— Моя задача, — сказал папа, — только в том, чтобы любой ценой предотвратить возможность хоть одной человеческой жертвы в городе. Вы нам можете чем-нибудь помочь?

Дрессировщик подумал и пожал плечами:

— Мне кажется, что нет. Сейчас в них пробудились все инстинкты, и если даже в них что-то и оставалось от школы дрессировки, то теперь это бесследно исчезло. Считайте, что вы имеете дело с дикими зверями.

— Ладно, — сказал папа. — Извините за беспокойство.

Сразу же после ухода дрессировщика в кабинет вошел военный в форме капитана, он отдал папе честь и сказал, что он и его рота автоматчиков прибыли в его распоряжение. Папа встал и сказал капитану, что надо немедленно ехать. Он уже выходил из-за стола, когда увидел нас. По-моему, он совершенно забыл, что мы находимся в его кабинете.

— Да, — сказал он. — Вы, ребята, по какому поводу?

Вовка встал и подробно рассказал папе о нашем решении вести дневник. Вовка говорил очень торжественно и в конце попросил, чтобы папа разрешил нам принимать участие во всех делах, связанных со сбежавшими львами. Вовка говорил очень здорово.

Папа Вовку послушал внимательно и нажал на столе кнопку, а потом сказал нам, что это дело недетское, опасное и что мы сейчас все должны отправиться по домам и из дому до завтра не выходить. Он еще говорил нам это, когда в кабинет вошла секретарша, это он ее, оказывается, звонком вызвал, она вошла и встала в дверях.

— Я вас прошу, — сказал ей папа, — вызовите машину, и пусть детей развезут по домам. Всего доброго. Я домой приду поздно, — это он уже сказал только мне.

Мы даже слова не успели сказать, а он уже вышел. Все мы растерялись, даже Вовка. И у всех настроение испортилось, но больше всех, конечно, у меня. Мне даже на ребят было стыдно смотреть. Лучше мы бы сюда и не приезжали. Мы спустились вниз, а там нас уже ждала машина. И за рулем был не дядя Толя, а какой-то совершенно незнакомый шофер. Мы сели в машину и сказали, чтобы он нас отвез в школу, а он покачал головой и говорит:

— Приказано развести по домам.

Мы ему объясняем, что нас в школе ждут, а он хоть бы что. "Не положено" и все. Сперва меня отвез, а потом Вовку.

А я ехал и думал: как же я завтра появлюсь в школе? Всю дорогу мы все молчали. Я думаю, что у меня никогда в жизни не было такого плохого настроения, как в этот вечер, потому что я окончательно понял, что мы с отцом совершенно чужие друг другу люди, хоть бабушка и говорит, что у нас общая, родная кровь. И мне стало совершенно безразлично, что он меня не любит, потому что я сам понял, что я его теперь совершенно не люблю. И думаю о нем со злостью. И я твердо решил, что уйду из дому. Хотела же моя бабушка после смерти мамы переехать в Москву. Она же только из-за меня осталась здесь. А зачем же ей теперь здесь оставаться, если я не хочу жить с отцом? А я точно не хочу жить с ним в одном доме! Я решил уехать в Москву к тете, и чтобы вслед за мной переехала бабушка.

Прекрасно проживем сами. Я через два года на работу устраюсь, девятый и десятый вполне могу окончить в вечерней школе. А Ленка окончит школу, тоже в Москву приедет, вместе в институте с ней будем учиться. В этот вечер я очень рано пошел спать. Даже телевизор не стал смотреть, хоть бабушка мне и сказала, что в половине девятого будут показывать фильм "Граф Монте-Кристо".

Среди ночи я просыпаюсь очень редко. Чаше всего стоит мне только лечь в постель, как я засыпаю, и сразу вслед за этим слышу, что меня будит бабушка. А это значит, что уже наступило утро и мне пора одеваться в школу.

А в эту ночь я проснулся, потому что услышал сквозь сон какие-то необычные звуки. Сперва я подумал, что мне послышалось. Я даже некоторое время после того, как проснулся, продолжал так думать, потому что больше не раздалось ни одного звука, сколько я ни прислушивался. Только спустя некоторое время издали донесся свисток паровоза и пыхтение. Это маленький маневровый паровозик, наверное, перегонял какой-нибудь товарный состав. Днем его ни за что не услышишь — железная дорога проходит очень далеко от нас, на другом конце города, а ночью, оказывается, когда вокруг все тихо, его слышно. Я решил, что во сне услышал, как он свистит, и совсем было собрался опять заснуть, как где-то, очень далеко, раздался тот же звук, теперь я знал это точно, который я услышал во сне. Это было рычание! Даже не рычание, а рев, очень злобный и вместе с тем какой-то жалобный. Я сразу же догадался, в чем дело, и, выскочив из кровати, подбежал к окну. Я услышал глухие, но отчетливые звуки выстрелов, по-моему, стреляли из автоматов, и голоса людей. Потом раздался еще раз звериный вопль и сразу же оборвался. Все-таки этих сбегавших львов отыскали и застрелили. Я только никак не мог представить, где это происходит, даже не сумел определить, в какой стороне — казалось, что звуки доносятся со всех сторон сразу.

Мне очень хотелось одеться и побежать туда, но потом вспомнил, что там обязательно встречу отца, и сразу же раздумал. И спать мне совсем расхотелось. Я пошел и лег в кровать, и даже глаза закрыл, но ничего не получилось. Я полежал еще некоторое время, а потом все-таки встал, когда убедился окончательно, что заснуть не удастся, сколько ни старайся. Даже света не надо было включать, до того была светлая луна. И во всех комнатах, и в коридоре было очень светло. Я стал думать, что же мне делать, но потом мне и думать над этим не пришлось, потому что я почувствовал, что мне хочется пить, и я решил спуститься вниз, в кухню, и выпить стакан компота, который бабушка сварила еще с вечера и поставила в холодильник.

Я на цыпочках, чтобы не разбудить бабушку, прошел мимо ее комнаты и подошел к кабинету отца. Дверь в него была открыта, и я заглянул внутрь. Все в нем было, как всегда, аккуратно прибрано, и постель застлана. Я заглянул в комнату и сразу же пошел дальше. Можно сказать, что я всего на секунду остановился у кабинета отца. Но что-то из того, что я там увидел, мне запомнилось, хотя я и не знал что. Поэтому, выпив компота, я поднялся наверх и зашел в кабинет. Мне сразу все стало ясно — в дверце сейфа торчал ключ. Поэтому мне что-то и показалось странным в комнате. Никогда еще не бывало такого, чтобы в сейфе торчал ключ. Наверное, его бабушка оставила. Отец ведь никогда ничего не забывает. Я долго колебался — открыть мне его или нет, очень было бы интересно заглянуть в него, но потом перестал раздумывать, когда вспомнил, что мне никто никогда

не запрещал заглядывать в этот сейф. Если бы мне хоть раз сказали бы, что нельзя открывать сейф, то я и не подумал бы это делать. Но мне никто ничего на этот счет не говорил — ни бабушка, ни отец.

Изнутри сейф оказался выкрашенным в голубую краску и очень тесным. На двух его полках лежали в папках разные бумаги, а в самом низу какой-то альбом. Пистолет я увидел сразу. Я его взял в руки и внимательно осмотрел. С оружием я обращаться умею, не со всяким, конечно, но с пистолетом умею, дядя Толя меня научил. Меня удивило, что он не был поставлен на предохранитель. Но потом я понял, что этого и не надо было делать, когда, вынув из рукоятки магазин, увидел, что пистолет не заряжен. Я на всякий случай оттянул затвор, но и там патрона не оказалось. Патроны лежали здесь же рядом, в деревянной коробке. Там же лежала запасная обойма, целиком заряженная.

Не знаю почему, но каждый раз, когда я держу в руке пистолет, мне кажется, что я становлюсь взрослым и очень сильным. Очень его приятно держать в руке. И рукоять его устроена так, что сама ложится в ладонь. Я хотел было зарядить его, просто так, для тренировки, но вспомнил, что с минуты на минуту может приехать отец, и хоть он не запрещал мне брать пистолет, но я почему-то думал, что ему это не очень понравится, а скорее всего, не понравится совсем.

Я положил пистолет на то же место, откуда взял, в самый угол рядом с альбомом. Альбом этот я в первый раз увидел. И ничего особенного в нем не было, обыкновенный фотоальбом. Непонятно, как он здесь оказался. Эти две папки, с первого взгляда ясно, какие-то служебные, а вот альбом... Я прислушался, с улицы не доносилось ни звука. Я быстро вынул из сейфа альбом и раскрыл обложку. На первой странице я увидел фотографию — мама, папа, и у мамы на коленях ребенок. Очень маленький, в распашонке и тапочках. Я сразу понял, что это я. Никогда не видел этой своей фотографии. И мы все трое на ней улыбались. Я смотрел прямо и улыбался, мама на меня, а папа на нее. Наверно, фотограф сказал, что сейчас вылетит птичка, или зверюшку какую-нибудь мне показал, иначе непонятно, с чего бы это я стал улыбаться, ведь я на этой фотографии был совсем маленький, не больше двух лет. Я посмотрел все фотографии в этом альбоме. Попадались на них и незнакомые лица, но почти на всех я находил или папу, или маму, а часто обоих вместе. И везде у папы было очень веселое лицо. Не то чтобы он на всех снимках изо всех сил улыбался, улыбка у него была нормальная, а на некоторых фотографиях почти незаметная, но все равно было видно, что у него очень радостное настроение. Я вспомнил, как он изменился после смерти мамы, и подумал, что, если бы не ее смерть, он, наверное, и ко мне бы хорошо относился. Я посмотрел все фотографии, и на всех на них мама была очень красивой и нарядной. А в самом конце альбома, между последней страницей и обложкой, лежали письма. На конвертах были приклеены марки, которых у меня в коллекции не было. И, по-моему, не только у меня, ни у кого в классе нашем я таких марок не видел. Я сперва хотел их осторожно содрать, но потом решил попросить разрешения у бабушки. Я думаю, бабушка разрешила бы мне содрать их, несмотря на то, что письма были адресованы не ей, а отцу — на конверте, который я держал в руке, была его фамилия. Я посмотрел обратный адрес и увидел, что это письмо от мамы. Она писала в Калининград, где папа находился в командировке. Я из письма это узнал. И что самое удивительное, почти все это письмо было обо мне. Мама писала отцу, какой я уже стал большой, всех узнаю и даже говорю какие-то слова.

Я прочитал пять или шесть маминых писем, и в каждом из них она только и писала что обо мне. Но именем она меня почти не называла, а вместо имени называла всякими смешными и ласковыми прозвищами. И так в каждом письме. Только в конце рассказывала папе о каких-то делах и передавала приветы от знакомых и родственников.

Сразу было видно, что моя мама меня очень любила. Сразу из этих писем становилось понятно, что я для нее самый дорогой человек на свете, хотя еще маленький и глупый.

Странно мне было читать эти письма. Мне показалось, что страницы писем пахнут мамиными духами, я даже специально понюхал их, но так и не понял, пахнут они на самом деле или мне кажется. Очень мне было приятно читать мамины письма. Я взял еще одно, вынул его из конверта и сразу понял, что это не от мамы письмо, потому что я увидел почерк отца. У него очень жесткий и понятный почерк, прямо такое впечатление, что письмо отпечатано на машинке, до того он у него жесткий и четкий. Никогда бы я не подумал, что мой отец может написать такое письмо. Такое ласковое и доброе. Он писал маме, что очень скучает без нее, что считает дни, когда окончится срок командировки и они увидятся. И в каждом письме просил ее беречь себя и не очень уставать... Все остальные письма их там было пять или шесть, тоже были от отца.

Я сложил все эти письма и положил их обратно в сейф. Ни в одном своем письме отец ничего не писал обо мне, только в конце каждого письма приписывал: "Привет нашему малышу", это значит — мне. А я-то надеялся, что он, когда мама была жива, ко мне лучше относился!

Я прошел к себе в комнату, сел на кровать и задумался. Я стал думать над тем, что если я уж решил уйти из дому, то для чего мне откладывать? Самое время это сделать сейчас. Я посмотрел на часы — было два часа ночи. А самолет в Москву улетает в шесть. Так что и откладывать незачем, бабушке только напишу записку, чтобы она не беспокоилась, и все.

Я в записке ничего объяснять не стал, просто написал ей, что улечу в Москву к тете и вечером ей оттуда позвоню.

Записку я положил на подушку, на середину, чтобы бабушка ее сразу увидела, когда утром придет будить меня. Потом я вернулся к себе и сломал копилку и взял оттуда все, что там было, — восемнадцать рублей, я их копил на велосипед.

Я знал, что этих денег на билет мне не хватит, поэтому зашел еще раз в кабинет отца и взял из ящика стола, из тех денег, что он оставлял бабушке на хозяйство, двадцать пять рублей. Я хотел об этом приписать в записке, но потом решил — скажу, когда позвоню из Москвы.

Я прикрыл за собой дверь и пошел через сад ко второму выходу. Там из нашего сада выход в переулок. Мы им очень редко пользуемся, и петли калитки до того заржавели, что, когда кто-нибудь к нам с той стороны приходит, на всю улицу слышно, до того они скрипят громко. Я все собирался смазать петли, а потом подумал, что так даже лучше, никакого звонка специально ставить не нужно. Через эту калитку раз в неделю мусорщики уносят мусор, у нас там у ограды стоят два мусорных ящика. Я забыл, когда в последний раз ходил через эту калитку. А сегодня я пошел к ней, потому что боялся встретиться в воротах с отцом.

Гравий под ногами хрустел так, что мне вдруг показалось, что бабушка у себя в комнате обязательно услышит и проснется. Почему-то никогда раньше не обращал внимания на то, как он громко хрустит, когда на него наступаешь. А может быть, он ночью всегда так громко хрустит. Я подумал, что никогда еще так поздно не выходил в сад.

Я вообще, кажется, в первый раз в жизни не сплю в три часа ночи. А спать совсем не хотелось. Оказывается, в это время из нашего сада видны звезды. Вечером их никогда не увидишь. Я думаю, потому, что везде на улице и во дворе горит свет, — из-за этого света их и не видно, разве только две-три самые крупные. А сейчас они были видны все до одной, до того небо было низкое. Даже Млечный Путь был виден. Я такое небо видел только прошлым летом в пионерлагере. У нас там пионервожатый был — товарищ Саша, он и студент-географ, он нас научил находить на небе Марс и Большую Медведицу. Марс мы легко научились находить, он чуть-чуть крупнее всех звезд и красноватый, как будто фонарик где-то далеко подвесили с красной елочной лампочкой внутри. И какой-то он немножко мохнатый, все звезды круглые, сразу видно, что шарики, а он какой-то мохнатый. Товарищ Саша, когда я ему это сказал, ужасно удивился и ответил, что первый раз слышит об этом. Сказал, что я фантазирую. А я Марс по этой мохнатости сразу могу найти на небе, даже если бы он не был красноватым, сразу бы нашел.

Вот Большую Медведицу очень трудно было научиться находить. Сперва мне так и казалось, что никогда я не сумею ее найти. Целых три вечера старался, ничего не получалось.

Товарищ Саша долго нам показывал на небо и говорил, какие звезды составляют Большую Медведицу. Он сперва нарисовал ее на бумаге. А я смотрел и, сколько глаза ни тарачил, никакого такого рисунка на небе увидеть не мог. Звезд много, и все они рассыпаны по небу без всякого порядка, вроде риса или гречневой крупы на столе, когда бабушка их перебирает. Или вроде муравьиной кучи, только если бы все муравьи на минутку остановились. Товарищ Саша даже сердиться начал, хоть он очень терпеливый и добрый; говорит, как же вы не видите, когда там абсолютно четкий рисунок. А я никакого рисунка увидеть не мог. Я уже совсем было решил, что никогда не сумею отыскать эту Медведицу, и даже на небо глядеть перестал.

А потом глянул еще раз без всякой цели и вдруг увидел. До сих пор удивляюсь, как я мог ее сразу не увидеть. Ужасно удивительно — висит в небе слегка боком ковш из звезд, прямо сам в глаза бросается, стоит только посмотреть на небо, а я его столько времени не мог увидеть. Не могу понять, как же так это получается. А многие из ребят так до самого отъезда из лагеря и не научились ее находить, сколько я ни пытался им втолковать, как это просто. Никак не могу понять, почему я столько дней не мог ее увидеть, а за одну секунду вдруг увидел, и теперь, когда захочу, могу ее сразу отыскать.

Я этот случай с Большой Медведицей и потом несколько раз вспоминал, каждый раз, когда что-нибудь долго не понимал, а потом вдруг пойму и удивляюсь, как это я не мог понять сразу, когда все так просто и понятно. Еще товарищ Саша обещал нам показать Полярную звезду, по которой можно без компаса сразу определить, где север, но для этого надо было проснуться под самое утро; мы хотели проснуться под самое утро, даже будильник поставили на четыре часа, но товарищ Саша сказал, что человеческое здоровье важнее и под утро лучше нормально поспать. Мы закричали хором, что нам совершенно нетрудно

будет проснуться и на нашем здоровье это не отразится, но товарищ Саша улыбнулся, ничего не сказал, а просто улыбнулся, немножко даже грустно улыбнулся, и мы вдруг поняли, что товарищ Саша хочет поспать нормально сам, видно, потому, что очень устает за день. Он ведь раньше всех нас просыпается, и позже всех ложится, и днем не спит, когда у нас "мертвый час", а идет в это время на планерку к начальнику лагеря.

И сейчас я сразу увидел на небе Большую Медведицу, и Малую, и Млечный Путь, и все звезды, которые переливались голубым светом совсем близко над головой, и их было так много, что мне вдруг показалось, что, кроме звезд, вокруг нашего сада больше ничего и нет, это мне показалось, наверное, потому, что было очень тихо. Даже листья деревьев не шелестели.

Тепло было этой ночью в нашем саду. Очень тепло было, и пахло цветами табака. Его бабушка посадила у нас в саду прошлой весной. Он в первые дни, как расцветет, сильно пахнет. Очень у него приятный запах, даже прохожие у нашей изгороди останавливаются, когда начинает цвести табак. И, что самое странное, никому в голову не приходит, что это цветы табака, так они пахнут. Ничего в них табачного нет. Запах очень приятный, но какой-то густой и сладкий, бабушка эти цветы никогда на ночь в комнате не оставляет. А сегодня ночью в нашем саду этими цветами пахло так, как будто это не сад, а закрытая комната, и этот запах не может найти ни одной щелочки, через которую можно выбраться наружу. И никакого ветерка. Мне от этого запаха всегда почему-то бывает чуточку грустно, особенно в первый раз, когда я его почувствую летом, чуточку-чуточку грустно и приятно, я все пытаюсь в это время что-то вспомнить и не могу. Хорошо, что это обычно недолго длится и сразу проходит.

А сегодня ночью мне так грустно стало, просто слов никаких нет. И ничего приятного. И вспоминать ничего-ничего не хочется, а скорее наоборот. Никогда мне так грустно не было. Даже в комнате наверху... Хоть плачь! И в горле какой-то ком у меня застрял, и никак я его не могу проглотить. Ничего не понимаю. Почему это у меня все так плохо получается в жизни? Я же такой, как все у нас в классе или на улице. Я же ничего плохо не делаю. В школу хожу, на музыку, бабушке помогаю, живу как человек... А почему же только у меня так все плохо получилось? Ну почему? Я же ни в чем не виноват. Это даже странно. У всех родители есть, детей своих любят, хвалят их, делами интересуются, все время помнят о них. Только я один никому не нужен. Если бы мама жива была, наверно, все по-другому было бы, любила бы меня моя мамочка, и я бы ее очень любил. А она умерла. Ну почему моя мама должна была умереть, именно моя, я же ни в чем не виноват, ничего плохого не сделал. А она умерла. У всех есть родители: и у Ленки, и у Димки, и у Вовки — у всех, а я же не хуже их. Почему же у меня все так получается неудачно? И отец мой не хуже других, я это точно знаю, а даже, может быть, лучше. А что хорошего? Лучше бы он меня бил каждый день, как Димку отец бьет, только не смотрел бы на меня так, как будто и не видит меня в это время, лучше бы он женился и ругался бы с этой женой, как Вовкин отец с его матерью ругается, пусть даже на улице все слышат, что у нас в доме ругаются, лишь бы хоть немного любил он меня, не относился как к постороннему человеку.

Может быть, он даже все время жалеет, что я есть, я же совершенно лишний для него человек, я же это все время чувствую! Хоть бы умер бы я тогда вместе с мамой от дифтерита, и то, наверное, лучше было бы!

Хорошо еще, что бабушка у меня есть. Вот она меня точно любит. Только ее мне и жалко, очень она переживать будет, когда узнает, что я уехал. Я ей сразу телеграмму дам, как в Москву приеду. А потом она ко мне все равно переедет. И еще жалко все-таки, что я с Ленкой не попрощался, даже позвонить нельзя... Но Ленка поймет, что возможности не было.

На повороте я остановился и последний раз посмотрел на наш дом. Гравий сразу перестал хрустеть, и стало тихо-тихо. И весь наш дом был виден в лунном свете ясно, как днем. Даже одна расколотая черепица, которую Димка разбил в тот день, когда мы испытывали камнеметную машину.

В окнах света не было, как будто в этом доме никто и не живет. Только окна и были темные, а весь наш дом стоял белый-белый в лунном свете... И до чего мне стало грустно, ну просто слов нет. Зря я посмотрел на наш дом, окончательно меня это доконало. Я повернулся и пошел к выходу, не оборачиваясь и ничего не видя, потому что ком в горле у меня стал еще больше, даже дышать стало трудно, и в глазах защипало так, что сразу захотелось их закрыть, и не просто закрыть, как всегда, а обязательно ладонями.

Я сделал еще несколько шагов и подошел к калитке. Я взялся за ручку и потянул ее к себе, а она сразу так заскрипела, что меня мороз по коже продрал и во рту, и по языку и по деснам всем, такая оскомина прошла, как будто я штук пятьдесят зеленых слив съел подряд. А днем я эту калитку открываю, и хоть бы что, никакой оскомины! Скрип этот, наверное, можно было услышать на другом конце города.

Я еще чуть сильнее потянул на себя, чтобы поскорее покончить с этим, пока бабушка не проснулась, так эта проклятая калитка прямо завизжала противным визгом, как будто ее режут... Я решил с ней больше не связываться, а перелезть через забор. Удивляюсь, как мне это сразу не пришло в голову, отошел от нее и пошел к забору. Он у нас совсем низкий, и подтянуться на руках ничего не стоит, надо только сделать это сразу, рывком, чтобы не испачкаться в извешке. Его совсем недавно покрасили, и он ужасно пачкается, стоит только к нему нечаянно прислониться. Я встал на цыпочки и вытянул вверх руки, ухватился за край. Я совсем было собрался подпрыгнуть и одновременно подтянуться, как почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Прямо всей спиной почувствовал, что на меня кто-то смотрит не отрываясь. Прямо как будто уперся этот взгляд мне в спину и особенно в затылок и давит. Я не сразу обернулся, еще немного постоял не оборачиваясь, потому что очень не хотелось оборачиваться. А потом все-таки повернулся и посмотрел в ту сторону. Под засохшим деревом рядом с опрокинутым мусорным ящиком, из которого все высыпалось на землю, стоял лев. Он стоял неподвижно и смотрел на меня. Это был огромный лев. Я много раз видел их в зоопарке, в цирке, в кино, но даже представить не мог себе, что они могут быть такими огромными. Он стоял ко мне боком и был виден весь. Желтая шерсть на его туловище блестела под лунным светом, как намазанная жиром. Не блестела только грива, она была темно-коричневая, но с проседью. А глаза у него были тоже желтые, и они мерцали тусклым светом под лучами луны. И даже, может быть, луна была здесь ни при чем — глаза у него светились сами по себе, изнутри. У него был толстый, торчащий на конце нос, щеки и тонкие губы и очень высокий лоб — человеческое лицо, и только. И выражение лица у него было как у человека. Он стоял над разбросанным мусором, и я, совершенно между прочим, подумал, что он, наверное, копался в этом мусоре, отыскивая еду. Я говорю

"между прочим" потому, что с того момента, как я увидел этого льва, я думать начал не сразу, а просто стоял, ничего не думая, и смотрел на него.

Я не боялся. До сих пор не могу понять, почему я не испугался этого льва, которого все так боялись и за которым охотился весь город. Я помню только, что вдруг подумал: наверно, этот лев ужасно устал бродить по незнакомому городу среди людей, которые боятся его и убегают или хотят его убить. И еще я подумал, что он, может быть, хочет вернуться в цирк, но не знает, как это сделать, и никогда не сумеет вернуться, если я ему не помогу. Да, и это я помню точно, еще я подумал, что он ужасно голодный и его надо обязательно покормить. Не стал бы этот лев ни за что рыться в чужом мусорном ящике, если бы не помирал от голода. Я же не ошибаюсь, вот честное слово, я тогда думал только об этом, когда стоял в темноте напротив этого льва. И еще я увидел, а вот об этом никому не сказал ни одного слова, кроме Ленки, и она мне поверила... Я увидел, что этот лев ужасно обрадовался, что меня встретил. Всегда чувствую это — рады мне или нет, а этот лев просто ужасно обрадовался, что встретил меня. Это сразу стало заметно, хоть он ни разу даже не моргнул и хвостом не шевельнул, а стоял и смотрел на меня своими огромными желтыми глазами. Сейчас я думаю, что он был очень похож на третью собаку из подземелья с сокровищами, но это я сейчас так думаю, тогда ни о какой собаке и не вспомнил.

Я пошел к дому — хотел принести ему что-нибудь поесть. Я шел к дому и ужасно боялся этого. Я шел и думал: только бы он не ушел! Думал: неужели он уйдет, и мне будет так же плохо, как до его прихода. Только об этом и думал я, когда шел к дому по дорожке и поднимался по лестнице на крыльцо. Все у меня внутри дрожало от страха, что он уйдет. Я взялся за ручку двери, взялся и остановился, и три раза повторил про себя: "Хоть бы он не ушел. Хоть бы он не ушел. Хоть бы он не ушел". Потом обернулся и посмотрел на льва. Он продолжал стоять неподвижно, не сводя с меня глаз. И тут я засмеялся, всего один раз, как будто кашлянул, и сразу же остановился. Я всю жизнь до этого, когда смеялся, точно знал, над чем смеюсь, за секунду до того, как начинал смеяться, знал об этом. А тут смех вырвался из самого горла, как будто я не засмеялся, а кашлянул. Я сперва услышал этот смех и только потом понял, что засмеялся. Он все-таки не ушел!

Я открыл дверь. И сказал: "Заходи!" — и кивнул головой на вход, но сразу же вспомнил, что это не человек, и ему надо как-то объяснить, что я его приглашаю, какими-нибудь жестами, что ли... Но, оказывается, не надо. Он меня понял. Он медленно пошел к дому, не сводя с меня глаз, и я чувствовал, что этот лев мне доверяет и знает, что ничего плохого его в нашем доме не ждет. Он поднялся по лестнице, и деревянные ступени закрипели под его лапами, и подошел к двери. Прежде чем войти, он поднял голову и еще раз глянул на меня, как будто спросил, правильно ли он меня понял. И я еще раз кивнул головой.

У нас на первом этаже очень большая передняя. Это мы ее называем передней, а вот моя тетя, когда приезжала к бабушке в прошлом году, сказала, что это никакая не передняя, а очень удобный большой холл. Может быть, это действительно холл, но мы, я и бабушка, после ее отъезда стали называть нашу переднюю по-прежнему. Она очень большая и удобная. Она бы вполне считалась комнатой, если бы не деревянная лестница, что ведет на второй этаж, где папин кабинет и две комнаты — бабушкина и моя.

А сейчас наша передняя мне показалась очень маленькой и тесной. Казалось, что всю ее вдоль и поперек занял собой лев. Он сперва подошел к лестнице на второй этаж и

посмотрел наверх, потом подошел к двери в кухню, но туда не зашел, видно, понял, что из кухни туго придется выбираться задом. У нас в передней пол никогда не скрипел, а тут все половицы до одной, на какую бы он ни наступил своими лапами, начинали немедленно скрипеть, и все по-разному, каждая на свой лад. Он снова подошел к лестнице, видно, она ему чем-то понравилась, обнюхал первые несколько ступенек и лег перед нею на пол. Он положил голову на передние лапы и прикрыл глаза, не совсем прикрыл, а оставил узкую щелочку, как будто у него уже и сил не было зажмуриться. И вдруг он вздохнул. Вздохнул протяжно и грустно, видно, вспомнил что-то или подумал о том, что с ним будет. Я-то знаю, что животные ни о чем думать не могут, даже львы, на то они и животные, а не люди, но в тот вечер мне показалось, что лев думает, и мысли у него о чем-то очень печальном. Ужасно жалко его стало, до того у него был несчастный вид, он мне уже не казался таким огромным, даже захотелось подойти и погладить его. Я пошел на кухню и заглянул в холодильник, там в коробке для мяса лежал фарш из говядины, бабушка утром собиралась испечь мясной пирог. Я вынул из коробки этот фарш, он весь уместился у меня в двух ладонях, ногою захлопнул дверцу холодильника и отнес его льву. Фарш был очень холодный, прямо ледяной, и я подумал, что вдруг лев не станет есть холодное мясо, он же лев, тропический зверь, а не какой-то полярный медведь, чтобы есть мясо со льда. Я положил мясо перед ним прямо на пол, решив, что в крайнем случае он съест его спустя полчаса, когда оно оттаяет. Лев слегка приоткрыл глаза, не вставая потянулся к мясу, и оно мгновенно исчезло. Только розовый язык мелькнул, и мяса как не бывало. Он даже челюстями не стал двигать. Взял и сразу проглотил, потом встал и посмотрел на меня. Я пошел на кухню еще раз. В сковородке лежала жареная картошка и кусок мяса в застывшем жире, наверное, папин ужин. Я отнес ему это вместе со сковородкой, он съел все, причем сковородка ерзала взад и вперед по паркету под его языком, как заводная. Я еще раз заглянул в холодильник, но там, кроме овощей, компота и сыра, ничего не было. Сыр — кусок брынзы и несколько ломтей голландского — я на всякий случай отнес ему. Брынзу он есть не стал, только понюхал, а голландский начал осторожно жевать, и выражение лица у него в это время было недовольное.

После сыра он снова принялся за сковородку, хоть она уже была вылизана так, как будто ее вымыли горячей водой с мылом, даже деревянную ручку вылизал. А язык у него был такой широкий, что закрывал разом всю сковородку. Сковородка уже даже не ерзала, а под его языком билась о паркет, и я подумал, что надо поскорее подняться и сказать бабушке о том, что у нас лев в доме, а то она может прогнуться на тот стук и увидеть его. А это не шутка — старому человеку спросонок в своем доме увидеть льва. Да и не только старому, вот, например, Степа Очинский до сих пор ведь заикается из-за того, что его во втором классе на улице возле школы какая-то собака захотела укусить. Она только захотела, а он такой вой поднял, что собака убежала куда-то, и с тех пор ее никто около школы и не видел. Евтух говорит, что эта собака теперь тоже заикается, еще хуже, чем Степа, до того он ее напугал своим ревом. Вся школа тогда на улицу выскочила. Евтух говорит, что собака и не собиралась кусать Степу, просто она бросилась к нему с веселым лаем, это на перемене было, чтобы он ей дал кусок пирожка, а он со страху не понял, в чем дело, и, даже не разобравшись толком, сразу же начал заикаться и не может остановиться до сих пор. Вообще, может быть, что Евтух все это и придумывает, но я тоже сомневаюсь, чтобы эта собака захотела укусить Степу, никого никогда не кусала и вдруг, нате вам, Степу захотела

укусить, самого спокойного человека в школе. Он с первого класса был очень спокойным и добрым!

Я поднялся наверх и на цыпочках прошел по коридору к бабушкиной комнате. Дверь была открыта. Я зашел в комнату. Окно было тоже открыто, и в комнате было светло от лунного света. Свет падал и на лицо бабушки. Она дышала совсем неслышно, а лицо у нее было доброе-предоброе, и даже мне показалось, что она улыбается хитрой улыбкой, она, когда со мной разговаривает, часто такой улыбкой улыбается. Может быть, она в это время меня видела во сне, ничего странного в этом нет, мы с бабушкой иногда видим друг друга во сне и наутро обязательно рассказываем об этом. Вполне может быть, что она меня видит сейчас во сне. Кому она еще будет так улыбаться, даже во сне?

Я никогда раньше не видел бабушку спящей, днем она все время что-то делает, суетится, все время на ногах, ее на одном месте не увидишь. Даже когда варенье варит, никогда у таза не засиживается, меня часто просит присмотреть, чтобы не перекипело. Из-за того, что она такая непоседливая, у нее варенье часто пригорает, а она потом очень расстраивается. И когда обедаем, она раз десять из-за стола встанет, то за тем, то за другим, а мне не разрешает, говорит, за едой нельзя ни на что отвлекаться. Сейчас она крепко спала, и даже подумать нельзя было, что она такая днем беспокойная. Я еще удивился, что бабушка такая маленькая — вся поместилась в одном уголке кровати, я никогда не замечал, что она такая маленькая и старенькая. Я раздумал ее будить, но еще постоял немного в ее комнате, потому что люблю свою бабушку, днем я об этом не вспоминаю, почему-то днем и возможности нет думать над такими вещами, все время какие-то дела, а вот сейчас я очень сильно почувствовал, что очень ее люблю, и еще почувствовал, что мне ее ужасно жалко, очень странно, что я так почувствовал, никогда я бабушку не жалел, да и жалеть ее не за что, она даже не болела ни разу, а тут мне без всякой причины стало очень ее жалко...

Я решил запереть дверь, чтобы бабушка, если проснется вдруг, постучалась, а я бы ей тогда открыл и объяснил, в чем дело, пока она его сама не увидит, но потом вспомнил, что дверь запереть нельзя, потому что у нас ни от одной двери в доме нет ключа, только один, от входной. Тогда я взял со стола из кучи папиных галстуков — бабушка отложила их погладить — один и, выйдя в коридор, осторожно прикрыл за собой дверь и этим галстуком крепко-накрепко привязал ручку двери к трубе парового отопления.

Лев сидел на том же месте. Сковородку он уже оставил в покое и теперь дремал. Время от времени он открывал глаза, причмокивая, жевал губами и смотрел на меня. Немножко удивленно смотрел, видимо, удивлялся, отчего это я не ложусь, и снова засыпал. А мне ведь обязательно надо было дождаться прихода отца, чтобы открыть ему дверь и предупредить, что у нас дома лев!

И, честно говоря, дело ведь даже не в этом было, мне спать не хотелось, ну вот совсем не хотелось, ничутьки. Мне ничего не хотелось, только сидеть вот так и смотреть на этого льва, который лежал напротив меня и дремал. Единственно, о чем я жалел, что ребята из нашего класса меня не видят. Потом ведь и рассказывать будешь — не поверят! Некоторые поверят, Димка, например, точно поверит, а некоторые ни за что не поверят, например, Евтух. Ужасно жалко, что в нужный момент тебя никто не видит. А когда не нужно, обязательно кто-нибудь тут как тут. Как тогда, когда я с приятелем Евтуха по асфальту

катался, сразу же Ленка прибежала, никогда в тот тупик не приходила, а в тот раз тут же прибежала, как раз в самый плохой момент. А сейчас она спит.

Здорово было бы, если бы Ленка сейчас здесь была! Просто очень хорошо. Я хотел бы, чтобы мы всегда вместе были — этот лев, Ленка и я. И еще обязательно бабушка. Чтобы жили мы где-нибудь в лесу, домик там построили сами, я бы с нашим львом каждый день уходил на охоту, убивали бы с ним антилоп и буйволов, а Ленка и бабушка чтобы поджидали нас дома. И чтобы все нас в этом лесу боялись — все дикари-людоеды, тигры и другие львы. Чтобы они один раз украли Ленку и совсем уже собрались ее съесть, а мы бы со львом отправились ее спасать, и как она была бы рада, когда мы их всех перебили бы, а ее спасли.

А если отец приедет... Если он приедет, пусть поживет у нас в доме два-три дня, мы ему все покажем — и лес, и льва нашего, а потом пусть уезжает. Он, наверное, пожалеет, что мы его не уговариваем остаться, но мы уговаривать не станем. Нам и без него будет хорошо...

А на улице уже стало светать, я посмотрел на часы... Без четверти пять, а уже светает. Странное дело, луна еще на небе, а уже светает. Первый раз такое вижу. Интересно, долго она еще продержится? Когда солнце взойдет, она, наверное, точно исчезнет, посмотрю вот только, когда сегодня солнце должно взойти. Я встал и пошел посмотреть календарь, он у нас висит над телевизором у лестницы. Я оторвал листок со вчерашним числом и только собирался посмотреть время восхода, вдруг лев как вскочит! Моментально вскочил, как будто не он сейчас спокойно дремал, и стоит, и в горле у него что-то клокочет, как будто в баке с бельем вода кипит, только гораздо громче. Я сперва даже не понял, с чего это он вскочил, но потом понял — по улице мимо дома машина проехала, самая первая машина в это утро, а ему это почему-то очень не понравилось. Он все стоял, и в горле у него все клокотало, пока эту машину было слышно. А когда она проехала и все опять утихло, он успокоился, и снова лег, и закрыл глаза. Но в горле у него еще некоторое время продолжало клокотать. Все тише и тише, а потом совсем прекратилось. Он лег и спокойно задремал как ни в чем не бывало, а мне из-за его этого неожиданного вскакивания и рычания вдруг полезли всякие мысли, и я стал над ними усиленно думать. Ведь если он так разозлился из-за того, что по улице случайно проехала какая-то легковая машина, то что же с ним будет, когда приедет отец, ведь его машина останавливается совсем рядом, прямо у входа. Это понятно, чего он так злится, за ним уже два дня охотятся, и все на машинах, другого же льва, который с ним вместе убежал, убили уже, я сам слышал ночью. Вот он и злится. А пока он поймет, что не убивать его приехали, а просто человек домой с работы пришел, он же черт знает что натворить может! И объяснить ему никакой возможности нет, что отец скоро должен приехать. Он же от страха в окно может выскочить и убежать, а на улице днем его точно убьют рано или поздно. И потом я подумал, что все равно никто не разрешит, чтобы этот лев жил у нас, — и отец будет против, и бабушка, так что все равно придется его отдать в зоопарк, говорил же дрессировщик, что двух убежавших львов должны были отдать нашему зоопарку, так лучше, чтобы его прямо от нас и увезли в зоопарк, пока ничего не случилось. И это же очень хорошо, что его решили передать в наш зоопарк, это же рядом совсем, каждый день буду к нему ходить, может быть, даже в клетку к нему меня будут пускать. Сразу же видно, что он ко мне хорошо относится. А перевозить его сейчас самое время, пока народ не проснулся и не стал мешать. Пусть приедут на машине с клеткой и перевезут его. Конечно, легче было бы, чтобы он у нас остался, но это

уж точно невозможно... Я сперва решил узнать в справочном номер, позвонить в цирк и сказать, чтобы за ним приехали, но раздумал, вспомнил, что сейчас еще очень рано, и в цирке, наверное, никого нет. И потом, даже если бы там кто-нибудь оказался, он бы мог мне не поверить, по голосу-то сразу понятно, что я не взрослый. Я решил позвонить отцу на работу, может быть, он еще там, и рассказать ему все как есть, а он уж их всех сразу отыщет, и в цирке и в зоопарке, кто этим делом должен заниматься. Я как номер набрал, трубку подняли сразу же. Только обычно женский голос говорит: "Приемная", это папина секретарша говорит, спрашивает, кто хочет говорить с ним, и только потом соединяет с ним. Это когда днем звонишь, а ночью я никогда еще папе не звонил, а сейчас я услышал, как мужской голос сказал: "Дежурный по гормилиции капитан Карташ". Я поздоровался и сказал, что с ним говорит сын полковника Дагкесаманского, и попросил соединить меня с папой.

По-моему, он удивился, что я в это время звоню, но ничего спрашивать не стал, а сказал, что полковника нет, что он выехал в полночь на операцию и еще не вернулся. Я сразу догадался, что это за операция, ведь второго льва они еще не нашли. Я попросил его соединить меня с телефоном в папиной машине. Он сказал: "Слушаю, хорошо", потом позвонил куда-то, я слышал, как он говорит по второму телефону, и сказал, чтобы его соединили с машиной полковника. Я только удивился, что он попросил его соединить, а не меня, как в трубке затарахтело, и потом я услышал голос отца: "Слушаю". Прежде чем я успел заговорить, этот дежурный капитан сказал ему, прямо выпалил на одном дыхании:

— Говорит капитан Карташ. С полковником Дагкесаманским хочет говорить его сын.

— Папа, — сказал я и замолчал. Я просто не знал, с чего начать.

— Что случилось? — сказал отец.

— Ничего не случилось, — сказал я. — Все в порядке.

— Почему же ты не спишь? Где бабушка?

— Она спит, — сказал я. — Она давно уже спит и ни разу не проснулась. Я ее запер в ее комнате, — я сказал и сразу же пожалел: конечно, надо было начинать не с этого. Я это сразу понял, когда отец даже замолчал от неожиданности; и я замолчал, потому что никак не мог придумать, как начать разговор.

— Зачем ты запер бабушку?

— Чтобы она не вышла и не испугалась.

— Чего испугалась? Слушай, немедленно расскажи, что там происходит. Во-первых, откуда ты говоришь?

— Из дому. Из передней.

— А чего бабушка может испугаться? Говори все.

— Льва она может испугаться, — сказал я, и сразу стало легче говорить остальное. — Я боялся, что она испугается льва, он сидит здесь очень смиренно в передней, под лестницей, а она же не знает, что он смиренный, и может испугаться, если вдруг его увидит. Вот я ее и запер.

— Ты во сне это увидел? — спросил отец. — При чем здесь лев?

— Да не во сне, — сказал я. — Честное слово! Этот лев сидит у нас в передней очень давно, я его уже покормил, он сейчас лежит и дремлет, я к тебе позвонил, чтобы ты попросил кого-нибудь в зоопарке, чтобы приехали и отвезли его туда, пока все не проснулись и снова его не напугали.

Отец мне теперь поверил, я это по голосу его почувствовал.

— Ты можешь пройти к двери? — спросил отец и, не дожидаясь моего ответа, сказал: — Положи трубку и попытайся пройти к двери и выйди наружу. Только не бойся и, самое главное, не торопись. Попытайся дверь за собой запереть, если ключ в ней, а если нет, не задерживайся. Поскорее! Иди к соседям! Только не бойся. И ни в коем случае не беги. Ни в коем случае. Или нет. Тебе до кухни сейчас ближе. Лучше запришь в кухне. Ты можешь добраться до кухни? — Папа, — сказал я. — Ты так говоришь, потому что еще не увидел его. Ничего опасного нет. Этот лев совсем смирный и ко мне уже привык. Ты, пожалуйста, позвони в зоопарк.

— Делай то, что я тебе говорю! Не спорь, а скорее уйди в кухню. Я тебя очень прошу, делай только то, что я тебе сказал. Очень прошу. Иди в кухню. И ни в коем случае оттуда не выходи, что бы ни случилось. Скорее! Я еду!

— Ты же не знаешь, — сказал я, — он очень напуган. Если я уйду от него, он, когда приедешь, подумает, что приехали его убивать, и может такое натворить!.. Я тебя здесь в передней подожду, а ты лучше к дому близко на машине не подъезжай.

— Иди в кухню! — закричал отец.

Я никогда не слышал, чтобы он так кричал, у него даже голос сорвался.

— Немедленно иди в кухню! Я тебя очень прошу! Иди. Я приеду, во всем разберемся. Только не выходи в переднюю. Смотри, я тебя очень прошу! Встань за холодильник и не подходи близко к двери. — Он дал отбой.

Я положил трубку и сел в бабушкино кресло. Лев приоткрыл глаза, когда заскрипели пружины, и тут же закрыл их снова. А я, как уселся в это кресло, оно очень большое, кожа на нем мягкая, с очень высокой круглой спинкой, человек в это кресло весь целиком уходит, я как уселся в него, так мне вдруг спать захотелось, просто сил нет, веки стали сами опускаться, я только и делал, что старался держать их в приподнятом состоянии. Даже о льве забыл, только и старался как-нибудь продержаться, не заснуть до прихода папы. Но, кажется, я все-таки задремал. Потому что мне вдруг показалось, что случилось что-то страшное. Мне почему-то показалось, что мне на голову обрушился со страшным шумом потолок или еще что-то похуже. Я прямо затрясся в этом кресле, ничего понять не мог спросонок. Потом сразу все вспомнил. Лев уже не спал на полу. Он стоял, вытянув все туловище, и кожа на нем подрагивала, как будто его ударяет током, а хвост метался то в одну сторону, то в другую, каждый раз ударяя его кончиком по боку. А пасть у него была разинута до предела, как будто ее специально растянули вверх и вниз, все клыки были видны и небо — розовое, в темных полосах. А из глотки его такой рев раздавался, как будто у этого льва все сейчас внутри разорвется на части от ненависти и страха. И на морде кожа вся дергалась, особенно под усами, прямо в комки собиралась, а глаза его были расширены

и горели желтым огнем. Я понял, в чем дело, когда услышал, как на улице хлопнула дверца машины. Сперва одна, а потом еще несколько. А я ведь просил отца, чтобы близко к дому не подъезжал. Теперь лев, конечно, решил, что приехали его убивать те люди, которые за ним охотились. Я услышал на лестнице шаги отца, я их сразу узнаю, и пошел к двери, чтобы отпереть, и попросить его, чтобы он лучше не заходил, пока не приедет машина с клеткой. Я вдруг почувствовал, что лев от страха может броситься на отца, если он вдруг войдет в комнату. А лев продолжал реветь, и от этого рева задребезжали все стекла. Я отпер ключом дверь, и она сразу распахнулась, оттого что ее сильно толкнули снаружи. На пороге стоял отец, у него было белое-белое лицо, как будто ни капли крови в нем не было, а за его спиной, я это увидел мельком, стояли еще несколько человек в военной и милицейской форме. Но это я увидел как-то не полностью, краем глаза, но что я увидел сразу, это автоматы. У всех у них в руках были автоматы. Я сразу понял, что они пришли убивать льва. Я сразу догадался, что они думают: это свирепый, опасный лев, которого надо немедленно убить. И еще я понял, что они его немедленно убьют, вот еще одна секунда — и убьют, прежде чем я успею рассказать, что он ни на кого не собирался нападать.

— Папа, не стреляй! — закричал я изо всех сил, чтобы перекричать этот рев, и оттолкнул в сторону ото льва дуло автомата. — Не убивай его!

Но он даже слушать не стал. Я по его глазам увидел, что он сейчас нажмет на курок автомата.

— Скорее наружу! — сказал отец.

Он схватил меня рукой и рванул к выходу, но я успел вывернуться, и рука его сорвалась с плеча куртки. Я с трудом удержался на ногах и отбежал от отца, прежде чем он успел схватить меня еще раз. Я отбежал на середину передней и встал между ним и львом. Ближе ко льву, совсем рядом с ним.

Я чувствовал, что я ненавижу отца, что он ничего не понимает, ненавижу за то, что он не хочет даже выслушать, что я хочу ему сказать, за то, что ему всегда было неинтересно все, что я думаю и хочу ему сказать. У меня даже зубы стиснулись от ненависти. От этой ненависти мне изо всех сил захотелось закричать. Но я не закричал, я ему сказал:

— Оставь нас в покое! Что ты от нас хочешь? Я же тебя ненавижу. Лучше бы сейчас тебя застрелили, чем этого льва! — Я не кричал, я даже ему все это не очень громко сказал, но он все услышал, каждое слово, несмотря на то, что лев продолжал рычать.

Отец повернулся и вышел, плотно затворив за собой дверь. Но перед тем как выйти, он постоял минуту и посмотрел на меня так, как будто увидел меня в первый раз в жизни, очень странное лицо у него стало. Было видно, что он и думать перестал о льве, что-то у него другое на уме появилось. Очень странное лицо было у моего отца перед тем, как он вышел.

Я подумал после его ухода, что никто еще с ним так не разговаривал, и еще я подумал, что он никогда этого не простит. И хоть мне было уже безразлично, простит он меня или нет, я почему-то вдруг заплакал. Пошел, сел в кресло и заплакал.

А лев продолжал рычать, и все его тело дергалось и сокращалось, как будто вместо костей у него были, как в бабушкином кресле, стальные пружины, которые у него внутри

корчились и выпячивали вдруг шкуру в разных местах, а хвост его продолжал биться о спину и бока, как будто этот лев хочет перестать рычать, но никак не может остановиться, и из-за этого злится и лупит себя изо всех сил своим хвостом.

Он стал рычать тише, кажется, начал успокаиваться, и тут я услышал крики и стук на втором этаже. Да это же бабушка! Проснулась и, наверное, страшно перепугалась.

Я совсем о ней забыл! Лев сразу замолчал и стал смотреть наверх, видно, совсем растерялся. Я пошел к лестнице, и даже поднялся на две-три ступени, и остановился. Я подумал, что, пока я поднимусь на второй этаж и еще там задержусь, открывая завязанную дверь, льва могут убить, даже в комнату заходить не будут, прямо из окна. Ясно ведь, что они не стреляют в него только потому, что боятся попасть в меня. А если меня здесь не будет, они же его немедленно прострочат из автоматов. Все же думают, что раз он так свирепо рычит, значит, он кровожадный и окончательно неисправимый и хочет напасть на первого попавшегося человека. Я подумал, что бабушка на меня не очень обидится, когда я ей обо всем расскажу, все как было. Сперва-то поворчит, как всегда, это уж точно, но потом успокоится и все поймет. Потому что бабушка — очень справедливый человек и поймет, что у меня никакого другого выхода не было. Но все равно я очень беспокоился за бабушку и очень жалел, что я ее запер, а сразу же не сказал про льва. Потом стук прекратился, и я услышал, что бабушку снаружи кто-то окликнул и она ответила.

О чем шел разговор, я никак не мог разобрать, голоса слышались невнятно, потому что окно из бабушкиной комнаты выходит на улицу, а эта сторона дома противоположная от передней.

Лев совсем замолчал, но не ложился. Он неподвижно стоял и прислушивался к звукам снаружи. А я сидел в кресле и думал: что же мне делать дальше, и ничего придумать не мог. Я боялся выйти за дверь, потому что знал, что меня сразу схватят и отведут в сторону, и тогда конец всему.

Я все-таки решил позвонить в справочную и узнать телефон зоопарка, наверное, кто-нибудь там уже пришел на работу. Позвонить и сказать, чтобы они приехали за львом. В конце концов, если им его не жалко, пусть хотя бы подумают о том, что львы очень дорого стоят и что, чем покупать для зоопарка нового льва, не лучше ли попытаться спасти этого. Я приготовил в уме все слова, которые я скажу этим людям из зоопарка, и подошел к телефону. Я взял трубку и хотел набрать 09, но мне что-то вдруг показалось странным. Но это, конечно, из-за того, что я в уме готовил первые фразы; я сразу, как только поднял трубку, не понял, что телефон не работает — сигнала не было. Вначале я подумал, что мне совсем уже не везет, дальше некуда, но потом догадался, что телефон приказал отключить отец, — догадался, что я позвоню в зоопарк, я же сам ему сказал, что надо позвонить, — и отключил. И тогда я окончательно понял, что отец все равно сделает так, чтобы все получилось, как хочет он. Как всегда. Я понял, что этого льва убьют обязательно, и никакой нет силы, которая бы его спасла от смерти. Я подошел к нему. Подошел совсем близко, а он смотрел на меня не двигаясь, и чем ближе я к нему подходил, тем больше расширялись у него в глазах желтые зрачки. Он, наверное, думал: зачем это я к нему подхожу? Ведь за всю ночь я к нему подошел только тогда, когда принес ему из кухни еду. Я положил руку ему на спину и почувствовал, что он, как мокрый щенок, дрожит мелкой дрожью. Я понял, что он так дрожит от страха, потому что тоже почуял, что ему уже никакого спасения нет. И

тут я опять заплакал, никакой пользы от этого не было, что я заплакал, но я никак не мог удержаться. Потому что мне ужасно стало его жалко.

Он поверил мне, что я могу его спасти, наверное, только потому и зашел в дом, когда я его ночью позвал, а теперь он увидел, что я его обманул. Я только поэтому и стоял около него, чтобы он понял, что я его не обманул, что я ни в чем не виноват перед ним. А он все дрожал, и кожа у него была на спине горячая-горячая, на ощупь казалось, что на ней и шерсти нет, до того она была горячая и тонкая, и вдруг он разинул пасть, с тонким, жалобным визгом протяжно зевнул и, клацнув зубами, захлопнул ее. Мне показалось, что, если этого льва сейчас придут убивать, он даже не шевельнется, как будто в его теле не осталось ни капли силы, столько тоски и страха было в том, как он зевнул.

Я помню все подробно, что произошло в нашем доме в ту ночь до и после этого, но я не могу вспомнить ни одного слова из тех, что я сказал этому льву, пока стоял рядом с ним и гладил его по спине. Я все пытаюсь вспомнить, что же я ему сказал, но ничего у меня не получается, хотя что-то очень долго рассказывал ему, а может быть, и не рассказывал, а просто успокаивал. Никак не могу вспомнить ни одного слова. Помню только, что мне вдруг стало очень холодно, несмотря на то, что по утрам у нас в передней бывает очень тепло, даже жарко, а я был в куртке, но мне все равно было зябко, и я тоже весь дрожал, и мне было очень трудно говорить, потому что приходилось каждый раз с трудом открывать рот, до того сильно мне свело челюсти.

Я решил, что никуда из передней не уйду, что бы мне ни говорили, решил остаться со львом до конца.

Я только удивлялся, почему это за окном прекратился всякий шум — ни голосов не было слышно, ни звуков шагов. Только где-то на улице, и то не рядом, а поодаль, слышался шум моторов. И еще мне слышался какой-то неясный и непонятный шум. Как будто в одном месте собралось множество людей и все они одновременно о чем-то негромко разговаривают. Но мне это все было совершенно неинтересно и не хотелось думать, что эти люди могли собраться рано утром на нашей улице. Оказывается, я не ошибся. На улице действительно собралась огромная толпа. Это мне потом рассказали Ленка, Димка и Вовка, да и не только они — все ребята рассказывали.

Непонятно, откуда все вдруг узнали, что лев находится в нашем доме, но в это утро здесь собрался весь город. Даже движение в этом районе полностью остановилось, потому что наша улица вся была запружена разными машинами "Скорой помощи", пожарными, ну и, разумеется, милицейскими.

Все удивлялись, почему солдаты и милиционеры, вместо того чтобы ворваться в дом и убить льва, стоят неподвижно и ни один из них не подходит к дому ближе, чем на десять-пятнадцать шагов.

И отец мой стоял неподвижно. Он все время стоял неподвижно и молча после того, как приказал наглухо оцепить дом и никого к нему не подпускать ближе, чем на один квартал.

Вовка рассказывал, что отец заговорил еще раз, только когда из окна послышались крики бабушки, он приказал пожарным, чтобы они подогнали к дому одну свою машину и спустили бы на улицу бабушку. Вовка говорит, что ему не было слышно, о чем бабушка

говорила с отцом, слишком далеко это от него было, но он только увидел, что бабушка, поговорив с ним, вдруг бросилась к дому, но отец задержал ее и что-то сказал, всего несколько слов, после чего бабушка остановилась и стала плакать, а папа некоторое время смотрел на нее, а потом помотал головой и отошел в сторону. А бабушку взял под руку какой-то военный и так до конца с нею и простоял. Он хотел ее отвести в сторону и усадить в машину, но бабушка ни за что не соглашалась. Все люди стояли и удивлялись, что не предпринимаются никакие меры, а некоторые даже возмущались вслух и говорили, что это форменное безобразие, и спрашивали у военных, почему они, вместо того чтобы пойти спасать от верной гибели мальчика, стоят с таким видом, как будто сегодня праздник и они ждут начала парада.

Военные говорили, что им другого приказа не давали, а без приказа, известное дело, действовать никто не имеет права. Но люди не успокаивались, пока один лейтенант не вышел из терпения и не предложил любому человеку из тех, кто возмущается, — сказал, что в виде исключения он это разрешит, — пройти за цепь и задать все эти вопросы полковнику Дагкесаманскому, который только один и имеет право здесь приказывать.

Когда выяснилось, что ни одного желающего поговорить с отцом не отыскалось, все возмущаться перестали и стали ждать, что будет дальше.

И отец стоял молча, только время от времени поглядывал на часы.

Я так и простоял рядом со львом все это время, ни разу не отошел, мне казалось, что целый день прошел, а оказалось, что всего час или чуточку больше часа. Очень долго было тихо, я даже счет потерял, сколько времени прошло. А потом я услышал, как к дому подъехала машина, совсем близко, и сразу вслед за этим за дверью, прямо на крыльце, раздались какие-то тяжелые удары, потом я узнал, что солдаты разломали и оттащили в сторону перила нашей лестницы. Еще некоторое время раздавался за дверью непонятный шум и лягз, а потом она раскрылась, и я увидел, что раскрылась она не на крыльце, как обычно, а в длинную узкую клетку, по таким клеткам-коридорам в цирке звери из-за кулис выбегают на арену. Только из нашей передней другой конец этой клетки выходил не на арену, а соединялся с другой клеткой — побольше, установленной на грузовике, который задом подогнали вплотную к нашему крыльцу. А из-за клетки выглядывал тот самый дрессировщик и приветливо улыбался, не знаю только, кому это он улыбался — мне или сбежавшему от него льву. И больше ничего перед домом не было. Я специально подошел к двери и выглянул через прутья наружу. Только грузовик стоял и дрессировщик возле него. Дрессировщик несколько раз повторил льву какие-то слова на иностранном языке, мы в школе проходим английский, это был не английский, но я все равно понял, что дрессировщик просит льва зайти в клетку и обещает ему за это разные приятные вещи. Так оно и оказалось — он достал из сумки, что была у него в руке, кусок мяса, наколот его на железную пику и просунул ее сквозь прутья в дверь, и стал им плавно размахивать, говоря все те же пригласительные слова. Но все это никакого действия на льва не оказывало, а, кажется, даже наоборот, потому что, он хоть и продолжал стоять под лестницей, опять у него кожа на морде пошла комками. Он и на этот раз ощерил пасть, и у него опять заклокотало в горле.

Дрессировщик все повторял и повторял любезным голосом эти слова, он, наверно, был уверен, что рано или поздно они на льва подействуют.

Я тоже очень хотел, чтобы они подействовали, потому что боялся, что если лев не зайдет в клетку и ее увезут пустой, то тогда уже ни на что хорошее этому льву рассчитывать нельзя. И тоже стал просить льва, чтобы он зашел в клетку, стал просить самыми обыкновенными словами, дрессировщику это не понравилось, он, наверное, подумал, что я своим вмешательством порчу ему все дело, и хоть он не перестал разговаривать со львом, но улыбка у него с лица исчезла, и он нахмурился. Я даже не успел заметить, когда лев сошел с места и медленно пошел к двери. Он шел, опустив низко голову, и хвост у него был поджат чуть ли не к брюху. На меня он ни разу не глянул. Он и на мясо не обратил никакого внимания, хоть оно, вращаясь на конце шомпола, преградило ему путь, он просто отодвинул его лбом и прошел по коридору-клетке на грузовик.

Я даже не обиделся на него за то, что он не захотел со мной попрощаться, да и я же понимал, что это лев, а откуда льву знать, что надо попрощаться. У меня с плеч как будто гора свалилась, когда я увидел его в клетке и понял, что сейчас сюда придут люди; мне не хотелось об этом думать, потому что мне ужасно захотелось спать.

Я даже не заметил, кто первым вошел в дверь, как только с крыльца убрали клетку.

Я только увидел, что весь дом заполнился людьми, знакомыми и теми, которых я видел в первый раз. Здесь было много ребят из нашей школы, и Ленка была, и Димка с Вовкой, но все они жались у стены и ко мне не подходили, как будто мы были незнакомы. Даже учителя пришли, я этому удивился, потому что у нас в школе ни один учитель еще на урок не опаздывал, а в то утро они все непременно должны были опоздать, но почему-то никого это не беспокоило — никто из них уйти из нашего дома не торопился. Было видно, что очень много народу толпится у входа и во дворе. У всех были радостные лица, и все у меня что-то спрашивали или говорили что-то свое, но я ничего толком и не слышал, потому что увидел, как в дверь вошел отец.

Он шел ко мне, и все перед ним расступались, а я в это время думал, что вот сейчас и начнется самое неприятное, хотя я даже придумать не мог, что он мне скажет за то, что я наговорил ему сегодня.

Мне захотелось убежать куда-нибудь подальше, лишь бы не встречаться с отцом, до того мне стало страшно.

Он подошел ко мне вплотную и посмотрел на меня, совсем было собрался мне что-то сказать, даже губами пошевелил, но ничего не сказал, и вдруг, прежде чем я успел что-нибудь понять, нагнулся, обхватил меня руками, поднял и прижал к себе. Он прижался своим лицом к моему и стоял так с закрытыми глазами и ничего не говорил. Я тоже молчал, потому что никак не мог сообразить сразу, почему он ни с того ни с сего поднял меня на руки. Ведь никогда он меня не поднимал на руки и не обнимал! Даже в ту единственную четверть, когда у меня по всем предметам и в школе и в музклассе были пятерки! А сегодня так вообще непонятно, почему он меня поднял, да еще при посторонних. Я думал об этом и смотрел на лицо отца, я ведь так близко в первый раз его увидел. Я смотрел и удивлялся, что оно такое у него усталое и даже измученное, видно было, что и глаза у него были уставшие, несмотря на то, что они были закрыты. Он стоял так очень долго, и все вокруг стояли и молчали, и, кажется, никому не показалось, что он меня держит на руках слишком долго.

Я еще успел только подумать, что у моего папы сейчас очень доброе лицо, я только подумал так и сразу же перестал, потому что, оказывается, ни о чем не хочется думать, когда отец держит тебя на руках и прижимает к себе. Никогда не думал, что это так приятно и что на душе становится в это время очень спокойно и тепло. Даже представить себе не мог, что это так удивительно приятно!

А потом к нам подошла наша бабушка.